

«Ты всё пела? Это – дело!»

Ж У Р Н А Л

№ 9-10 (61) 2014

Э Т О В

30 лет
в ПО-лётё

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

Галина Мальцева. «Нота лета».
(бумага, пастель), 2014

В стрекозином пилотаже

1-2-3-4-5	24
Виталий Пацюков	Галина Мальцева
Константин Кедров	25
6-7	Алина Витухновская
Елена Кацюба	26
Константин Кедров	Лоренс Блинов
Нина Зарецкая	27
8-9	Кристина Зейтунян-Белоус
Елена Кацюба	28-29
Валентин Никитин	Елена Кацюба
10-11	Вадим Рабинович
Леся Тышковская	30
Виктор Ахломов	Игорь Дудинский
Анна Ахматова	Казимир Малевич
12	31
Сергей Бирюков	Ольга Ильницкая
Максимилиан Волошин	32-33-34-35
13	Алла Рахманина
Вера Сажина	Борис Рахманин
14-15	36-37-38
Валерия Нарбикова	Игорь Холин
Владимир Монахов	Герман Гецевич
16	39
Ирина Силецкая	Андрей Вознесенский
17	40
Кирилл Ковальджи	Генрих Сапгир
Денис Безносос	Вилли Мельников
18	41-42
Анатолий Кудрявицкий	Кира Сапгир
19	Ольга Адрова
Маргарита Аль	43
20	Петр Кобликов
Евгений Степанов	44
21	Алексей Хвостенко
Александр Чернов	45-46
Игорь Ревякин	Новые ДООСские
22	Тамара Приходько
Света Литвак	Андрей Коровин
23	47
Александр Бубнов	Лидия Григорьева
	48
	ДООС

Виталий Пацюков

искусствовед
заведующий отделом
экспериментальных программ ГЦСИ

ДООСу, я думаю, известно то, что многим неизвестно. Это та форма знания, которая существует действительно в многогранности культур. Когда мы вспоминаем образ стрекозы, то у стрекозы, кроме странного полета, существует еще фасеточное зрение, которое позволяет видеть не только фронтальную ситуацию, но и пространство, которое окружает нас в этом состоянии, и даже заглядывать в то, что происходит сзади нас. Вот эта поэзия, которая здесь сегодня представлена, я думаю, обладает такими свойствами и мало того, что тоже живет супрематическими формами, но ее анализ дает такой удивительно сложный контекст – все, что звучит, и все, что пишется, на самом деле выходит далеко за рамки вот этого слова, вот этого звука и где-то собирается, фокусируется, я думаю, достаточно далеко в космосе. Далеко в космосе – это означает и то, что близко рядом с нами, потому что пересечение па-

раллельных прямых у Эйнштейна, существует такая позиция, пересекаются далеко-далеко в космосе. Но когда он пришел к этой идее пересечения параллельных прямых, ему трудно было, конечно, отказаться от того постулата античного и в этот момент он читает «Преступление и наказание» Достоевского. И вот это состояние движения Раскольникова – топография передвижения Раскольникова по Петербургу – заставляет его осознать, что параллельные прямые пересекаются. Но они пересекаются в лодке, оказывается, вот где они пересекаются. И поэтому одновременное пересечение рядом с нами и где-то далеко в космосе, я думаю, один из парадоксов в оптике и в поэзии ДООСа.

Речь на вечере ДООСа на 9-ом Всемирном дне поэзии ЮНЕСКО в Государственном центре современного искусства 25 марта 2008 г.

Константин Кедров «Параллельные пересекаются в лодке»
(бумага, фломастер), 1914. Специально для ПО.

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

ДООС

1984 г.

Есть возможность
лечь навзничь –
сказал мне врач
есть возможность –
быть или не быть
о какой восхитительный выбор
от Христа до Христа –
верста
далее по требованию везде –
мне вечному мученику
бечевы и вервия
пламенному заступнику
всех народов
пулеметному настройщику
всех пулеметов
одновременному негодяю всех стран
приостановится вьсь и осатанеет закат
знание это не знание
а простуда вездемигрень
это гарнир из не одной доли
гарантия катарсиса от любви

Квитанция, которую я получил
полыхает закатом
там солнечная печать
надо доверять только вечности
только по субботам
все остальное время
лучше не доверять
Неостановленная кровь
обратно не принимается!

Окна настежь и все напрасно
две дани времен две отгадки
одна направо одна налево
ДООС –

Добровольное
Общество
Охраны
Стрекоз

**Константин
Кедров.**

*Фото
Евгения
Зуева.*

Константин Кедров «Стрекоза над прудом» (бумага, фломастер), 1983 г.

Думая о Кьеркегоре
Я пробудился в свой сон
Чтобы понять своё горе
Нужно войти в горизонт
Все кто стремится к забвению
Воины Небытия
Следуют тенью за тенью
В Тень из тенет твоих Я
В вечной погоне за мыслью
Я потерял свою мысль
Там где в забвении смысла
Кроется истинный смысл

Сны не сбываются – они сбылись во сне
Приснилась жизнь но будет пробужденье
Во сне я вижу жизни продолженье
Но эта жизнь давным-давно во мне
Мы спим да и не спим одновременно
Все это длится вечно но мгновенно
Мы в космосе но космос так далек
Вся жизнь намёк, но нам он невдомёк

Вот говорят мол душу спасём
Душу спасать вотще
Душа не в теле – душа во всем
А тело во всей душе

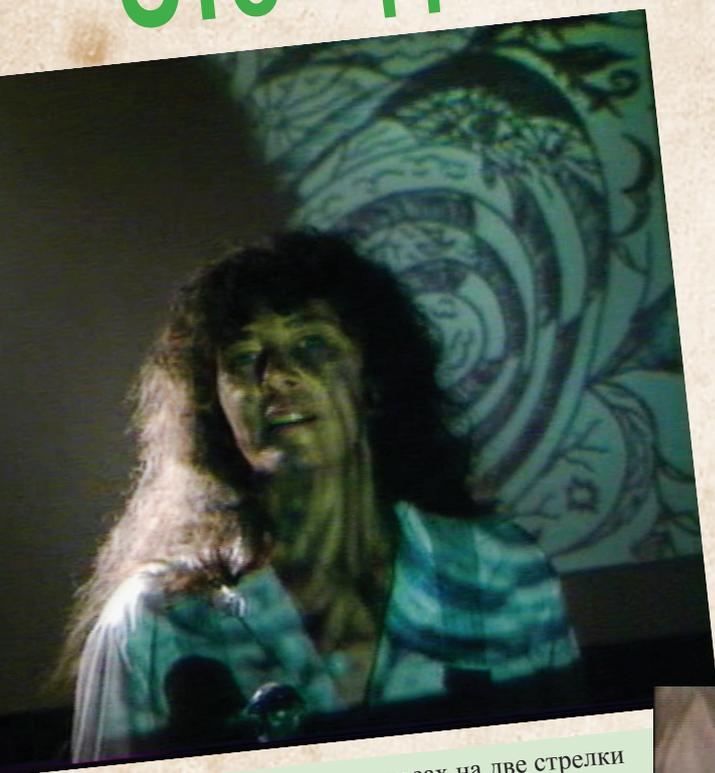
Человек в бесконечной перспективе
перестал быть человеком
Бесконечность человека
Уместилась в 70 лет
Чем дальше от себя
Тем дальше к себе

Наш мир
никогда не был
нашим

ШОК ШОУ ДООСа

Ты всё пела?
Это – дело!

«Она распадается в часах на две стрелки и показывает 12, кончиками ног касаясь лба взвешивает себя на ночных весах она предпочитая мускульную гильотину табачному кольцу...»
Елена Кацюба

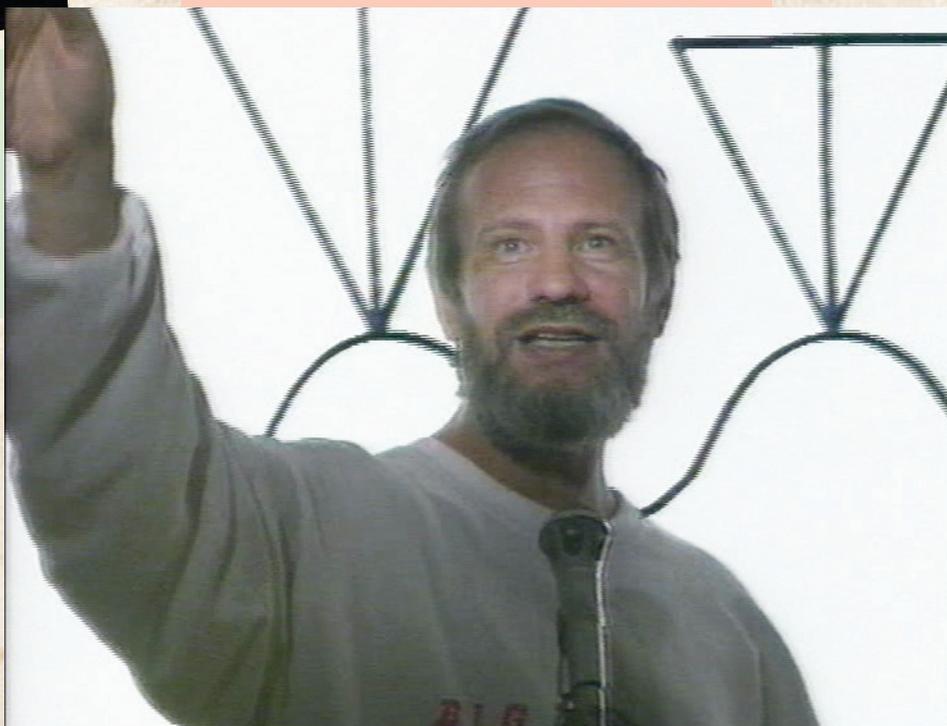
«Рассеченный треугольник уголком вниз на волнистой линии – означает любовь или флотилию парусных джонок вечно уплывающих куда-то...»

6

Константин Кедров

Впервые ДООС появился в телевизоре в 1991 году в программе Нины Зарецкой и Сергея Савушкина «Шок шоу» на канале АТВ – Авторское телевидение. Произошло это еще при советской власти, что само по себе было чудом. Здесь же впервые для столь широкой публики прозвучала знаменитая катавасия ДООСов, когда все читают тексты одновременно в традициях полифонии Баха. Девиз «Ты всё пела? Это – дело!» прозвучал в неожиданном анти-крыловском контексте. Пение – это дело!

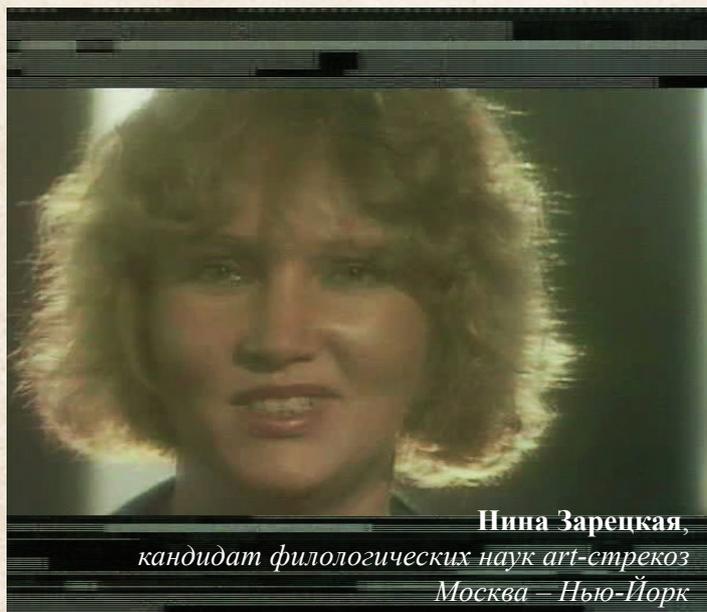
TV Галерея первая в России начала специализироваться на видео и искусстве новых технологий.

Начиная с 1991 года она была единственной площадкой в Москве, где проводились показы европейского и североамериканского видеоарта, произведения пионеров видеоискусства, а также программы международных выставок и фестивалей..

Основатель и директор TV Галереи Нина Зарецкая – продюсер многих первых видео-произведений российских художников, автор и ведущая телевизионной программы «ТВ Галерея», освещавшей события художественной жизни Москвы и мира.

Одно из основных направлений деятельности галереи, со временем переименованной в Арт Медиа Центр и занявшей выставочный зал ЦСИ, – создание видеоархива культурной жизни: хроникальная фиксация наиболее значимых мероприятий, проводимых у нас в стране и за рубежом.

10 сентября 2014 г. открылась выставка «TV Галерея делает вклад» в

*Нина Зарецкая,
кандидат филологических наук art-стрекоз
Москва – Нью-Йорк*

рамках VIII Фестиваля коллекций современного искусства в Государственном центре современного искусства (ГЦСИ), Москва. На вечере состоялся показ избранного видео из собрания и архива TV Галереи.

Среди них особое место занимает сюжет о ДООСе, который много раз демонстрировался в рамках больших выставок как теле-видео-арт.

ДООСы на празднике TV Галереи (слева направо): Елена Кацуба, Нина Зарецкая, Константин Кедров, Ольга Адрова, Галина Мальцева, Виктор Клыков.

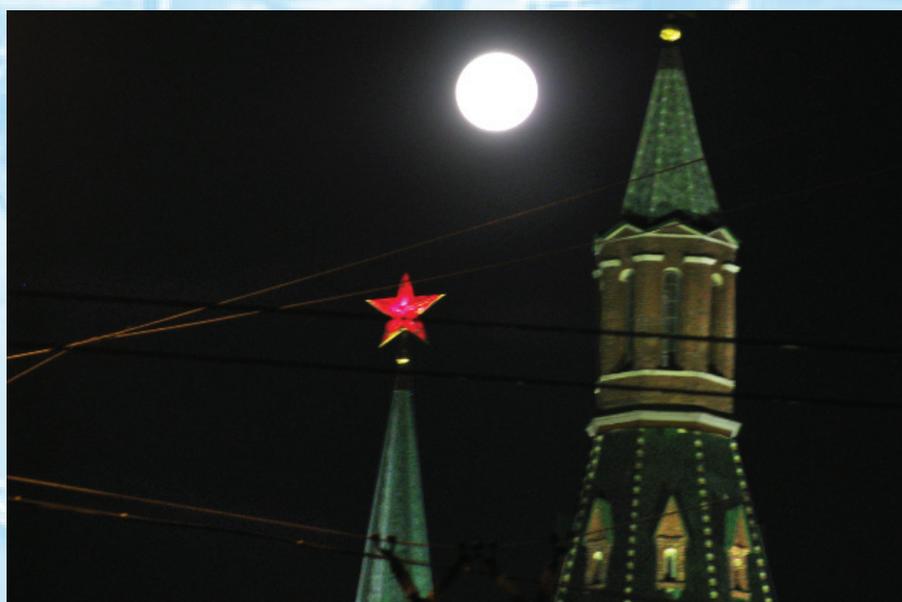
Свидетельство Луны

Луна не каждому сестра
Отвара лунных трав не пей
обугленного страстью рта
не открывай
когда Луна
сочится ртутным молоком
Не каждому Луна вдова
кто в сердце схоронил себя
молчание – Луны бокал
безмолвие – ее вино
Не спрячешь в зеркало лицо
звенят ионы серебра
шпионы лунных вечеров
ведь в каждом зеркале Луна
Не каждому Луна алтарь
для жертвоприношений дней
Они уже давно всегда
нарезаны на диск Луны
а небо – искренний экран
оно – свидетельство Луны
Не всякому Луна верна
кто бродит по ночам во сне
Нет оборотной стороны
ни у Луны
ни у судьбы

* * *

Полнолуние полнолуние
Все уснули. Все уснули?
Только улицы-лучи
Протянули пальцы
Тише, тише, не кричи
Не пугайся
У луны глаза круглы
Огибает свет углы
Бейте свет
 косыми тенями
Не смотрите
 так растерянно
Надевайте, дурачки
Анти-лунные очки

1968

*Снимки сделаны в Москве на Тверской улице
в ночь с 10 на 11 июля 2014 г.*

Дорога в полнолуние *(палиндром)*

и город лун к мосту тут сомкнул дороги
у дорог кирхи выдохнули лун ходы – вихри к городу
лег на стену лик и луне – те! – ангел
ан туману лики дики, луна мутна
и к темноте бежал глаже бетон, метки
луни минул
и те с виадука куда? И в сети
искать луну ль, такси?
радар туннелем смелен – нутра дар
но выдохнули лун ходы вон
ах это Корану луна – рокот эха
а Будде бури минули и луни мир у бед дуба

2014

Валентин Никитин

ДООС – теозавр

* * *

ах не пора ли не пора
порвать со всем порвать со всеми
что устарело как вчера
и надоело – как соседи

по винтовой куда-то вверх
уйти из мира где обрыдло
и боль привязанностей всех
вдруг оборвать – как над обрывом

чтобы душа – в иную даль
к иной земле, к иному небу!
где невозвратного не жаль
где все оставленное – небыль

и над кругами девятью
не досягая сферы первой
зажечь незримую звезду –
единственную во вселенной

* * *

время уходит прочь,
свой отмеряя срок –
как его ни стреножь –
будто вода в песок,
или сквозь пальцы дождь,
в сток обратив исток...

время – судьбы мишень;
смерть, не жалея нас,
в ночь обращает день,
вечности напоказ!
экая канитель –
каждый предсмертный час...

время уходит вспять,
или уходим мы?
Млечным путём распять
небо своей тюрьмы,
звёздочками мерцать
из непроглядной тьмы!..

Леся Тышковская

кандидат филологических наук
ДООС – стрекозабочка
Париж, Франция

Сиринга

Я больше, чем одна
и меньше, чем вдвоем.
Я – мыслящий тростник,
когда подует ветер
и поляя свирель,
когда он перейдет в погоню...
Это – Пан.
Но я умею петь.
И я ему достанусь только песней.

* * *

А если мы все же решим в этот сад
войти и остаться,
застигнет ли нас золотой листопад
на цифре двенадцать,

повиснет ли полночь последней из нот
пробивших пространство,
как поезд, простивший себе недочет
непрожитых станций?

И станет ли время играть в поддавки,
ютясь по соседству,
пока наши руки, сплетая венки,
возносятся в детство?

А если решимся войти в новый дом,
пока ещё живы,
какие мелодии чисто споем,
какие фальшиво?

И если мы ноту одну на двоих
тянули, как санки,
пока не затихла, в сугроб угодив,
душа-наизнанку,

оставим ли след мы, почти двойники,
не снегом, так мелом?
На белом пейзаже белеют стихи
пробелом, про-белом...

Виктор Ахломов

ДООС – линзазавр

Автограф АХМАТОВОЙ

Поэзия – это единственное в мире искусство. Все остальные могут считаться искусством только тогда, когда в них присутствует поэзия.

Я расскажу, как я снимал Ахматову, потому что я сидел так и думал – а, может, я вообще уже один, кто ее за руку держал и кому она написала автограф.

Было мне осемнадцать лет. Меня пригласил Аджубей работать в газету «Известия» – в «Неделе». И в это время Анна Андреевна получила какую-то очередную премию – в Италии, и она должна была ехать из Москвы в Италию. И вот она приехала в Москву, остановилась у Ардова, это вы все знаете, все читали. И великий умный Аджубей сказал: «надо просвещать народ, надо печатать стихи Ахматовой, и будем печатать».

Стихов давали тогда много, а фотографии давали размером со спичечный коробок. Поэтому послали самого молодого и самого неопытного – кого не жалко. Поэтому мне выпало такое счастье поехать к Ахматовой. Кто же знал, что она едет за премией в Италию? «Эха Москвы» не было тогда. Короче говоря, Аджубей это знал – политический ресурс свой использовал, поскольку он зять Хрущева.

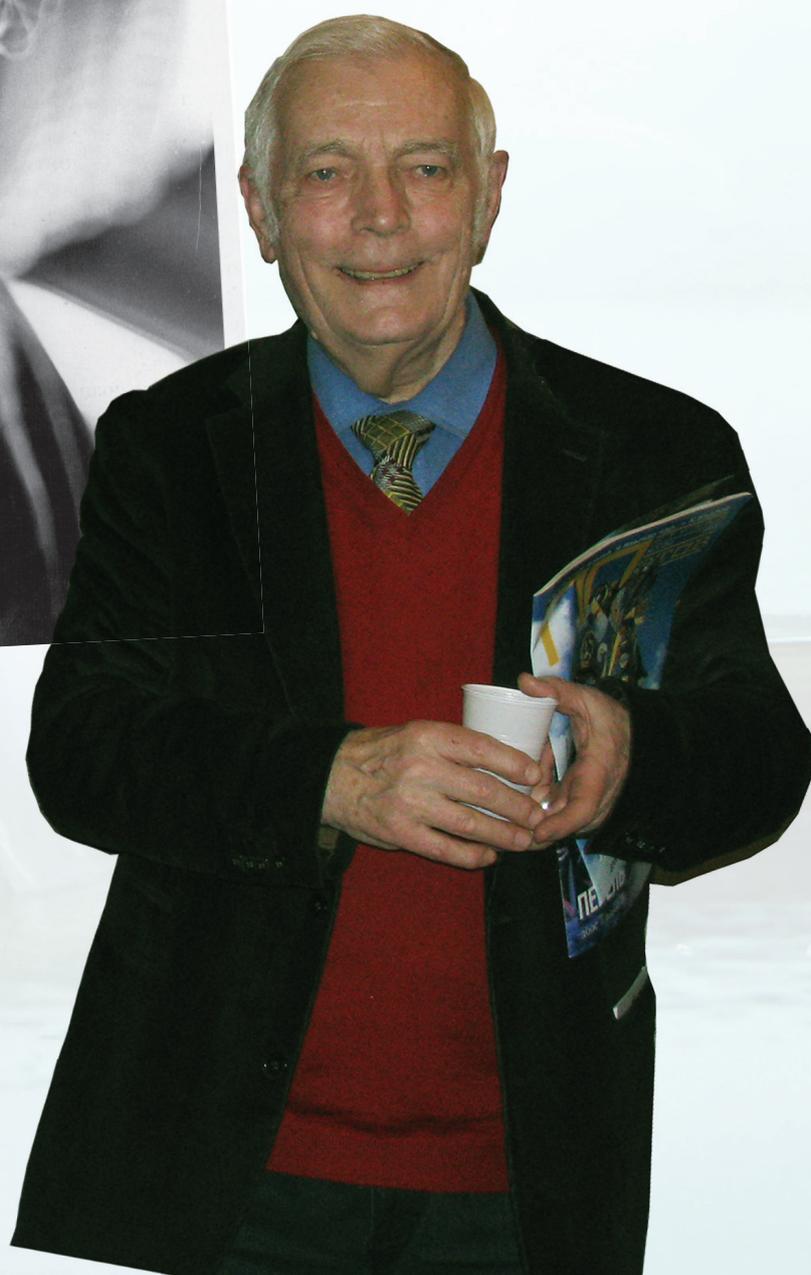
Мы приехали на Ордынку к Ардовым. Она царственно сидела за столом, ждала нас всех, нашу команду. Она знала, зачем мы приедем и где печатать будут. Она сказала: «Стихи вот у меня под кроватью, вынимайте чемодан». Мы вынули чемодан – такой ленинградский кожаный переплетенный, вот такого размера – у меня рук не хватит, сейчас только в музее можно увидеть. И там были вторые-третьи экземпляры стихов, напечатанные на машинке. Она сказала: «Берите любые». И наши редакторы начали их слюнявить, перебирать и читать. И тихо между собой говорили: «Не подойдет, не годится, вряд ли пройдет». Анна Андреевна прекрасно слышала их и говорила: «Ищите, ищите и обрящете, может быть». Ну, в общем, они искали, искали и нашли что-то.

А я в это время снимал ее портретик, маленький портретик к стихам. Когда я ее снял и стал убирать аппараты, один из умных редакторов пожилых сказал: «Витя, а давай и вы нас с Анной Андреевной снимете». Я не знал, зачем, но быстро вынул аппа-

*«...и прутья красные лозы,
и парковые водопады,
и две большие стрекозы
на ржавом чугуне ограды».*

Анна Ахматова, 1916

раты и снял. И у меня есть фотография, где мы все вместе, и Анна Андреевна сидит царственно за столом.

Теперь что было дальше, величие ее было в чем. Когда я снова начал убирать фотоаппараты, видя мою профессиональную робость, она сказала (это все было дома):

– А хотите, мы выйдем сейчас во двор, там посветлее.

То есть она мне помогала выполнить мою миссию, видя, как я суетился. Ну я, конечно, сказал, мол, ну что вы, фирма – «Известия», все схвачено. А надо было снимать, как я сейчас снимаю, – перстни на ее руке, складки одежды, интерьеры, где она сидела, все надо было снимать.

Вера Сажина

ДООС – веразавр

* * *

Она вдруг уменьшилась
На секунду
(До (размера) крошечной.
Как будем возвращать?
Один парень
положил свою
 фотографию
рядом, и она,
показались токи
Как молнии,
оттуда выкачивала электричество
И выросла чуть больше,
Ещё потом
Она даже из дверей
мал. комнаты
вылезла,
Не умещалась уже
Вместе со стулом.
Мы на корабле
прибыли
Хотела выйти
на берег
Они уже
пришвартовались
там 3 корабля
внутри можно
месяц жить.
А этот мужчина
чья была фотография,
Я снова подошла
Он на грузовике лежал
Я
Потом вроде оказались
уже дядькой с усами,
Меня почти обнимал,
.....
Он небесные молнии
в голову впускал
в голове его плясали.
Он много электричества
пропустил головой,
.....
«Я пережил такое»

открыла глаза
там на стуле
женщина, девушка
сидит, он рядом
Думал подсунул вместо себя

Я тогда кулаками
его стала бить
.....
Я сильно была его
просто кулаком
Там когда ещё в поле была
На рельсах.....
.....

Я этого мужчину
била, ему это было нужно,
он уже очень высоко стоял.
А та женщина
восстановила же
свой рост.
Она от молний, усилием

Вера Сажина.

Фото Евгения Зуева.

своей воли
поднялась опять, за неск.
этапов (съёмки)
Он не хотел
.....
Он молнию пережил
Он головой
ощущал больше namного.
На кораблях
что то осталось, или нет
Можно месяц жить
плыть к острову
или в воду
Наблюдать (ныряльщиков)

Девушку
эту подставную
я отказалась

.....

/5дек2001

Валерия Нарбикова доос

Лучше всего о тишине говорить тихо. Почти молча. Лучше её не нарушать. Тишина может отомстить за шум. Человек – существо шумное. Он производит шум. В виде одежды, голоса, даже собачьего лая. Человек сам шумит, да ещё заводит шумных животных.

Коровы мычат. Козы блеют. Сверчки – это тишина.

А всё остальное это шум.

Транспорт, конечно, тоже изобрёл человек. Так и звучит. Телевизор – очень шумная вещь. Можно отравиться. Хотя можно выключить.

Получается, что когда говоришь о тишине, то говоришь о шуме, который мешает тишине.

И в Крыму шумом можно отравиться, в Коктебеле, например, в двух шагах от дома Волошина. Погибшее место в смысле тишины.

Конечно, у тишины есть шум.

И шум моря – это тишина.

И шум ветра – это тишина.

Особенно приятно слушать дождь. Это тишина.

Когда идёт снег – это тишина.

Когда вдвоём тихо пьют вино. Тайно. Это тишина.

А всё остальное – это шум.

Тишину может нарушить оргазм. Это всплеск души. Когда душа кричит. А получается такой звук, как лопающийся мыльный пузырь, вот-вот только что лопнул, такое рычание изнутри, почти животное.

И все эти любовники, объяснения до трёх часов ночи – ничего не стоят по сравнению с тишиной.

И все эти люди, населяющие землю, все эти птицы, кролики и дети, и весь этот шум который они производят, передвигаясь на этих трамваях, перепрыгивая из самолёта в такси, все эти дребезжащие звонки будильников и телефонов, которые сыплются на людей с утра. От людей болит голова и тошнит от людей. Людей не должно быть много: на пляже, в метро, в бассейне, на улице, в кинотеатре. Пусть только по телевизору их будет много – вот они скопились на площади, а потом все вместе сели в электричку, потом все вместе бросились в речку, и все вместе... утонули. Только на расстоянии можно переносить людей. Даже монстры на расстоянии милей. А ещё лучше вообще не видеть людей, а только переписываться.

Тишина

Валерия Нарбикова. Фото Сергея Тарасова.

Письма и фотографии. Какие же они тихие на фотографиях, люди. Даже, когда горят. Их не надо кормить на фотографиях. Их можно только любить.

Они само совершенство.

А всё остальное – это шум.

Россия – очень шумная страна. Даже поэты шумные. Скажут, кричат. Трибуна. Залы. Кому интересно читать для двух-трёх человек. Стихи. Лучше прямо на весь зал. В микрофон. Чтобы все слышали. Потом аплодисменты, аплодисменты, аплодисменты.

Даже свобода, даже равенство и братство. Всё это шум. Революция очень шумная вещь. Даже во имя свободы. оказывается, что её опять нет. Свободы. Шум есть, а свободы нет. И равенства нет, а шум есть. Пошумели и разошлись, каждый по домам, по дворам, по возможностям, и братства нет.

Даже симфонический оркестр – это тишина.

А всё остальное – это шум.

Газеты и тишина. Газеты, мужское занятие. Мужчина живёт сегодняшним днём. Это его начало. Мужское. А женщина вся – или в воспоминании, или в воображении. И пока женщина читает книжку, мужчина читает газету. Газета пачкает руки. Она шуршит. Но с другой стороны, вещь, конечно удобная, газета. Мужчина в это время занят. Он молчит. Так тихо. Только лёгкое шуршание. Немного напоминает осень – шуршанием листьев. И никаких мировых событий, никаких проблем. Тишина.

Конечно, ради любви можно пойти на шум. Но любовь любит тишину. Это прямо её гнездо – тишина. То есть сначала всё может быть очень шумно – с криками восторга, с криками любви, с цыганами (пишется через «ы»), с прочей шумной радостью.

Но поцелуй – это тишина.

А всё остальное – это шум.

Деньги очень шумная вещь. Когда они есть. А когда их нет, то их отсутствие нарушает тишину. Деньги шуршат, звенят, бегают в виде цифр в чековых книжках. За приличные деньги можно тихо посидеть.

Но тишину нельзя купить. Даже во сне, когда прыгаешь со стометровой скалы и кричишь на весь земной шар, – это тишина. А всё остальное – это шум. Хорошо бы на остров. Но где его взять. Сидеть на острове и работать. Сочинять. То есть работать. То есть просто сидеть на острове. А так человек подключён в сеть. Завязан на электричестве, на газе. Если нет электричества, то как бы умер. Нет света – просто тебя нет. А костёр, он тихий, когда горит.

И общественный транспорт. Там просто культивируют шум. Едешь в обществе людей. Едут все вместе в одну сторону. Это гарантировано. В троллейбусе это ещё можно пережить, даже в метро. Но в поезде – нет. Нет и нет. Только с возлюбленным вдвоём в купе. Нельзя пережить постороннего человека в купе. Тогда лучше совсем не ездить в поезде, а только летать на самолёте. И когда поезд трясётся и рычит на поворотах, в купе возлюбленный. Чай. Вино. Это тишина.

А всё остальное – это шум.

И гостиница. Апартаменты. В общем один номер... В общем одна постель... И ты спишь с этим человеком, который спит с тобою рядом. И он дышит – а всё остальное – это шум.

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр

Братск

*

Бог плакал и читал стихи по-русски,
томление в груди глаголом заглушив.
Ведь сердца боль – полоска жизни узкая,
спасает всё на пёрышке души.

*

Человек – ты вершина природы!
Мы пропели друг другу оды.
А природа стала калекой
Расшибившись о человека!

*

Никто в России никого не слушает,
Бредём сквозь тьму, душою сея свет.
Хотя умрут и лучшие, и худшие,
Но только Бога среди мёртвых нет!

*

Душою и телом за Землю в ответе,
Но всюду глобально теплеет и жжет...
А что происходит, мой Бог, на том свете?
Там тоже теплеет или наоборот?

*

И снова мы сменили быль на небыль.
Темным темно на сердце у страны.
Кричит народ, но Бог молчит на небе.
Ведь тишь высот сильнее бурь земных.

*

Проходит жизнь короче афоризма.
Компьютер развлекает мыслью чернь.
Бог создал всё в безумной нашей жизни,
В разумной жизни – сам же стал ничем!

*

Звезды – память и соль земли,
Татуировка небес.
До высот мы себя довели
С Богом, но чаще без!

Ирина Силецкая

друг ДООСа
Москва – Прага – Крым

Луна

Темнели контуры деревьев,
Чернели вычурно ажурно.
Завесу прорывая темени,
Луна с улыбкою дежурной
Плыла покорно-безразлично.
Ей ни к чему переживанья,
Долой щемящее и личное,
Обиды чьи-то и страданья.

Бела лицом и величава,
Цвела в ночи цветком магнолии.
И не давал никто ей права
Внушать тоску и меланхолию,
Искать ответы на двусмысленно
Вопросы непроизносимые,
С собой сто раз прощаться мысленно,
Гнать от себя проблемы мнимые.

Права взяла самодержавные,
Рукой отбросила сомнения,
На небе быть привыкла главною,
Ей ни к чему чужие мнения.
Одной не скучно, не печалится,
Подруга-ровня не отыщется.
Эй, звезды, с ней на Вы, пожалуйста.
Она одна, а вас здесь тысячи!

Веками смотрят зачарованно
Глаза людей на чудо вечное.
Нет ничего на свете нового
И ничего нет безупречного.
Луна лишь, звездами подчеркнута,
Обыденна до величавости.
Она – звено в цепи разомкнутой,
Не знает ни любви, ни жалости.

04. 10. 2006 г.
Польша

Границы

Пожухлая трава дрожит,
порывы ветра повторяя.
Никто не ходит, не бежит,
и ни своя и ни чужая
земля. Нейтральной полосы
натянута полоска суши.
Легко на карте разместить,
но трудно, трудно как – нарушить
границу. Страны бьются так
за узкую полоску эту.
В далеких призрачных веках
искали в войнах лишь ответы,
где пролегает полоса
границы, и опять делили.
Летали копья, голоса
над полем брани – и казнили
всех, кто границ не признавал.
Начерчены границы кровью.
А Бог все видел и молчал,
и не спешил делиться новью,
что для души границы нет,
что бойня за забор напрасна.
Когда созрел в душе ответ,
как жить, – душа на все согласна.
Но это лишь одна душа,

а сколько их, что без ответа!

И будет евро дорожать,
ссылаясь на границу эту.

Да, не созрели без границ
мы жить, и ходим, вот, в дозоре.
Не дотянуться нам до птиц,
что в небе, и до рыб, что в море.

13.12.2007 г. Польша.

Кирилл Ковальджи

ДООС – кириллозавр

Гимн ДООСа

Весь мир бездарности
разрушим
ДО Основанья, а затем
мы гениальный мир построим
стихов ДООСских и поэм!

«Против косности и лжи
Знаю средство – Ковальджи!»
Константин Кедров

Кирилл Ковальджи
исполняет свой
«Гимн ДООСа» на
праздновании
30-летия ДООСа в
Русском Пен-клубе
17 апреля 2014 г.
Фото Евгения Зуева.

Денис Безносков

ДООС – дадазавр

никому нельзя

паровоз влетает в ресторан
в ведре сторон ||
пространно
претворяется клоуном
– танцует (предположительно) танго ||
поклон №
22 на –
сторону дивана ||
привлеклО умом
картонную маску || в миске на столе
там горб
танка(!)

лестнице лестно пластом лезть в лифт
– боком стеснительно/снительно
рюмка сверкает ноктюрн || ныл
белоснежный голиаф/голый граф пролив
мозг в кривой прилив урны ||
сидит сатурн и
молчаливый свифт

такн украл амулет ||
капкан лет || опыт

исключения например (канкан) 30-го года
из – || клавиши топают топот
танк задувает пучок синкоп пыт
таясь с разбега всеГО дать
одну коробку голода (города/гордо)
и две пощечины (сыр/кОсть/ром)
небольшие с ор кест ром
вышло ловко ||
уверен куклы знают этот знак ||
шершавая туша ошибается ошибками мышеловок(!)
так зна/чит так
ergo
вверг год
ist tot
есть тот кто есть тут кто тот есть тут ||
так как плоскость сна к →

совершенно прямо || только дугой/другой ||
вокруг костра тот
клоун кто он? || прикидывается кто он? повтор никем ||
играет языком на скрипке || кость рада
рано утром идет в кино || по вторникам
прикидывается паровозом повтор о ком?
маска хочет стать дворником ||
но притворяется кастратом

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия

Зву-чары

ветер зеленых звезд
звездесущ
за окном
антенны елей
в окне
антеннатоально
елейно
комнатно
оплывает лавой
розовосвеч
сон висков
сок високосного

года

скульптор
ваяет Венеру
его борода
ее волосы
брдвлс
влсбрд
родо вол
голо бос
бог др
сплетелево

пятолун
ихоскверь
тихо скрипят
двери
бродит
по дполу
под ому
под зрак
при вид
свет
мертволунный

Свет луны

свт лны
чрнватый
пчкает стны дмов
очер нова
евро чава
гродок нзвается
Шхты

валлум
охра
Валаам
охраняемый остров
храм
мрак
храп
волнолуние
закатное лоно
осенний караул
сосен осин
военно удвоен
прозрачной водою

зеленое утро
фцфц-ура
по радио
бодрым фальцетом
дрм дрм флц
хтпрд
вести из мира
растений

река одета туманом
одеттоодилия
баржи
груженные углем
гржнглм
гржнглм
ходят туда
и обратно

небо
низко
зависль
нави сель
колосья маш
привет сфер
парашютно
жена неж
снежинки

на подвесном мосту
замер поезд
скртч скртч
змр пст
стрекочут
судачат
куз
не
ч
к

чуть улыбается Солн-
це
айсберги
теплючево
летомечтаево
невоплаво
плавилево
тают
с верхушек

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАля

•
что тьма пред пустотой воспоминаний
мерцающая явь в словесной тьме
я чувствую как постепенно превращаюсь
среди зеркал есть мнимое одно
там в глубине
со дна где свет не властен над умом
на вечность замкнут круг кривых зеркал

•
а есть ли у Души Душа
несоразмерен космос глазу
мне мало четырёх сторон квадрата
не выписан не вымолвлен покой
никто не устанавливал предел
безумство пустоты лежит как дар
смогу ли я вместить весь мир в своё воображе-
ние
сто тысяч световых
словами молятся слова

•
любовьлюбовьлюбовьлюбовь
поверхность зыбкая обволокла и спелена
и этот Бог сошёл с ума
никто полёт не отменял

•
если собрать все звёзды
невидимое станет видимым
я гибкой линией пространств
полёт руки руки волшебной
как шелест трав слова
два горизонта

•
среди пустынь и талых вод планет
я зёрнышком из зёрнышка взошла
мысль не циклична
как холить и лелеять скульптор
как камень время философский
как горло мраморных часов
о ветры солнечного круга
во сне я обнаружила нетронутое временем про-
странство

•
ну кто сказал что вечность это всё
тебе бегущему по скалам плит
от географии часов земных и не земных
моё бессмертие смеётся и рыдает
там в глубине среди мельчайших середин про-
странства
на острове когданибудь
тебе моя улыбка

Маргарита
Аль.

Фото
Елены
Кацубы.

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

МЕМУАРЫ

1.

помню мы жили в общаге
пили какую-то дрянь

тощие как доходяги
грызли как грызли тарань

помню мы жили в подвале
помню бандитскую прыть

помню меня убивали
и не сумели убить

помню далекие страны
помню немодный фокстрот

помню кричали бакланы
ночи и дни напролет

помню я шел по Бродвею
помню пришел на Арбат

я ни о чем не жалею
каждой дороженьке рад

12.06.2014

Трубниковский переулок

2.

общага – застой – и дурное вино
дурное вино – поллитровка
от станции небо до станции дно
всего-то одна остановка

резвится куражится гибельный бес
в обители спящего Бога
от станции дно до высоких небес
почти бесконечна дорога

31.05.2014

ул. Черняховского

Евгений Степанов.
Фото Елены Кацюбы

ГОРОД

Ах Господи Боже Иисусе
здесь явь вперемешку со сном
бакланы балканские гуси
гопочут о чем-то своем

здесь низкие крыши все выше
взлетают в небесную синь
красивые красные крыши
на радость раздетых разинь

а небо прозрачнее моря
а море прозрачнее глаз
и злыдню тоску объегоря
я горя не знаю сейчас

5.05.2014

Несебр

* * *

живешь спешишь грешишь смеешься
но все же не минуешь храм
и обрыдавшись ужаснешься
своим грехам

у жизни сложные законы
я нарушал их — остолоп
и можно только бить поклоны
до крови разбивая лоб

28.10.2013

ул. Черняховского

* * *

и затихает фейерверк
и он тебя не умиляет
и умирает Гуттенберг
но Цукерберг не умирает

как прежде вертится земля
пластинка старая играет
и нужно начинать с нуля
и Цукерберг не умирает

14.05.2014

Кишинев

Александр Чернов

ДООС – днепрозавр
Киев, Украина

* * *

Унылая пора
столярных точек зрения.
Сторонники добра
у всех на подозрении.

А глубже ковырни,
как тут же станут явными
болотные огни
с глазами оловянными.

На строгий бы режим
с другими протоплазмами
того, кто одержим
великими соблазнами!

Никто не опроверг,
бревно из ока выудив,
сомнительный навет
о баснословной выгоде.

Зато какой сюрприз,
когда в соседней комнате
пришельцы завелись,
как будто черти в омуте.

НАИЗУСТЬ

Шевелю ушами посторонними,
Мол, какого света сторона?
Заодно с больными и здоровыми
шевелит извилиной страна.

Заодно с духовными подпасками,
что с размаху целятся под дых
неприкосновенными запасами
слов и жестов азбуки немых.

Наизусть выдумываю сутками.
За кураж над линией ноги
не потерпят личного присутствия
эти несуразные стихи.

* * *

За гранью вероятного
кончается абсурд –
похмелья сухомятного
зеркальный самосуд.
Пока живой – не паинька.
Подумаешь про смерть,
и внутренняя паника
видна за километр.
То липкая испарина,
то благодати соблазн.

Наития царापина –
еще не третий глаз.
В него из достоверного
источника – окна
стучится фейерверками
изначочная тьма.
Она прозрачней лобзика,
смотри, не хлобыстни.
Бывают у художника
критические дни.

*Рисунок Игоря Ревякина
специально для ПО.*

Наизусть покусываю локти я.
Разнополым – принцип домино.
При такой высокой технологии
не кусаться больно и смешно.

Шевелю с трудом ушами внешними,
беспробуден, чуток, работающ...
Ухо между спелыми черешнями,
словно между ножницами хрящ

Света Литвак

ДООС – зиоса

«тва или окунь в иле приле
зй-зй-зй-зй-зйоса
гли как бычки в могиле ус
се-ву-о-о-о-о-зйоса
лыхали ящерицы куз...»

(опубликовано в № 7(19) 2005 «Ах Бах»)

Ода-трель

крышшшша на дорожжжже
ксукерота рожки
крыллылышки стерррррлядки
салфетки на лапки
угощщенья спарррржа мщенье
влюбчивое увлеченье
человек в огне печали
эта сцена впечатляет

лиже роились огни
вот пять гром ком мандаи
барра-бам-дам
их алыт руль
гор-гал-гор-гал
июль
тыща девятьсот шестьдесят девято-
го

ах-а-ух как сплошь в сущности за-
лит
каменным гулом
под
ерд
проз
грозд
рач
кров
джизззз-з – з

Константин Кедров посвящает в ДООС Свету Литвак в Русском Пен-клубе на праздновании 30-летия ДООСа.

Анагриф Светы Литвак Константину Кедрову на посвящение в ДООС

КОНСТАНТИН КЕДРОВ – он
и кокетка и дракон
строк реникса Реконкиста
на кресте конкистадор
а костре аккордеон
сто ракет на старте
двести ставрид в контрасте
триста кротов контекста
карк ворон в кроне
стадо коров на стадионе
ведро красок, венки сонетов
стон, сирена, крик и стрекот
пестрота радости
красота верности
простота редкости
контрданс древности
дровосек – ни рта, ни носа
корона и трон ДООСа

*Анагриф – разновидность анаграммы, стихи, полностью составленные из букв какого-либо слова или фразы, в данном случае из букв имени «Константин Кедров».

Александр Бубнов

доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Курск

ПАЛИНДРОМЫ ЭТИХ ДНЕЙ...

мало колоколам?
ало колоколам!

04.07.14.

ВЫРЗВЫР – ОПОРЫ ВЗРЫВ

дороги мяло
блинами вис рукав
а курс и вилял и вис
евангелий арка
металира духа
бабла молебн витал по воздуху
нарывы
рану
худ зов оплати
в небе ломал
бабах
ударила тема
край
и лёг навес
и вилял и вис рукава курсив
и манил болями город

он – молоколо
око колоколомно

03.07.14.

кричи приказа кирпичирк!

03.07.14.

03.07.14.

он – молоколо
око колоколомно

03.07.14

матери там!..
ума тире там...

04.07.14.

не себе навес –
укус, Ева, небесен

04.07.14.

МЕЧА* ЗАЛИЛА ЗАЧЕМ?

Утр
акт
унят...

Ищи палитры вралям!..
Кашу крови лакал..
Почему меч в тме, а вы – за?!
Копим ежи в дыму... дЫМу!..
Мечту грезим о морях,
а рог в уме заманит на престол –
подарит серго?..
Йогу дарю ром – клише Рима.
Курян я руками решил к морю
радугой огрести!
Рад оплот серпантина –
МАЗ?

Ему в горах я ромом! –
И зер гут!..
Чему мы думы движем
и показываем ТВ?..
Чему меч оплакал
и вор кушак мял?..
А рвы
три лапищи тянут к
арту!..

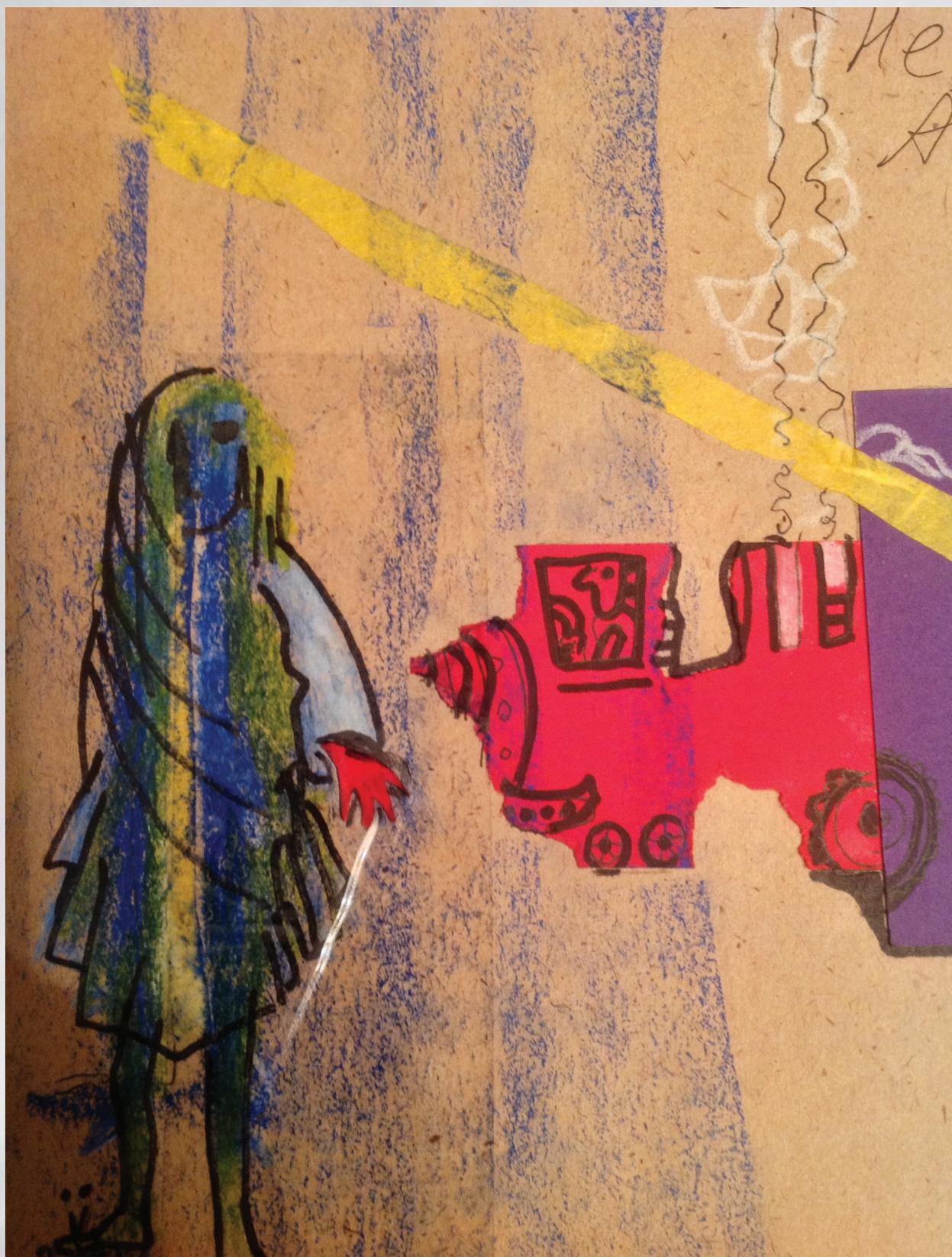
*мЕча (суц. жен. рода, ударение на Е),
по типу «сЕча».

02-05.07.14.

а палача начала – па!

04.07.14.

Александр Бубнов
Фото Татьяны Зоммер.

Не Анна
(бумага, пастель)

Алина Витухновская

друг ДООСа

ЛИЗА БЛИЗЕ

1.

Ты
Моль
Модильяни,
С
Овальной
Бесцельностью.
Нимфетка-
Бездельница,
Детства
Огрызок.
В
Тебе
Идеальны
Телесность,
Модельность
И
Тайная
Гибельность
Мазохистки.

2.

Ты
В
Пре-
Лю-
Бо-
Действии
Ангельски-
Девственна.

Ты –
Русская
Ари-
Сто-
Крат-
Ка
В ремиссии.

В грязи
Декаденской
Ундиной
Кандинского....

Цвели
Больше-
Визгами
В Аду
Эдельвейсы.

Давно
Отцвели
Хризантемы
Харизмы.

3.

Ты
Русская
Крейзи
Из
Курского
Крейсера.
Ты
Русская
Грейс
В Волго-
Догвиле
Истины.

Ты
Голая
Не-
Чисть
В
Не-
Че-
Ло
Веч-
Нос-
Ти.

Ты
Млечность
Небесная
С месяцем
В пирсинге.

4.

Замри
Историческая
Инверсия!

В России
Весело
Карусельной
Виселице.

Ты –
Концентрированная
Перверсия,
Стерв-
Версия
Сида
Вишаса.

Алина Витухновская.
Фото Елены Кацубы.

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр

Казань

ДООСу

Жур – нал ПОэто – Введение

в жур -
ча(я)ние
и видение
вед
и дев - стрекоз
и коз
и кор (о! в новь и вновь)
овнов
и овновых рун
златых
и крылатых
дивнозавров ПОэтовых
ПОэтоМУ -

мы
ча(я)ние
кедровых
и Стрекозых
тончайших слов и дел

крылышкующих
золотописьмом

вы
со (кого?)
бу
(How) ду (you do?) щего
жур -
нала ПО

26.XI – 14.XXI

Лоренс Блинов

Осенний Триптих

1.

Очинен яд трубы велиен
ночиен сон из молний лет,
приятен вид деянных линий
и прямоловен истовед

изга! изга! - горело слово
и слава высилась из Я
изъяном «вы» теснилась нова
небесней правила стезя.

2.

Он умел рисовать
неизбежностью лет
неизвестность побед
проступала проста

и когда красота
просыпалась вослед
вновь теснились усталые
грёзы холста.

3.

Прямо с голубову неба
прядал маленький снежок
мы гадали: былль иль небыль
озираясь окружо

озерко ещё не льдисто
и карась - не приторел
светень пролесью цветистой
к зимней не сведён поре

11.XI – 14. XXI

**Кристина
Зейтунян-Белоус**

ДООС – графикозавр
Париж, Франция

Computer addiction

мой глаз вебкамерно горит
в экран прожилками вращая
полупрозрачных рук ростки
сквозь клавиатуру проступают
на жестком – но не очень – диске мозга
вся информация хранится
про жизнь и смерть
про вирус слов
и программирование мыслей

Автопортрет.

*1996 г., размер 8 x 10,8 см,
искусственный мех,
стекло, картон,
красная непальская бумага,
тушь.*

Жгучая книга

Алхимический перформанс

в честь ДООСозавра Вадима Рабиновича
Превращение свинца в золото

Салон «Классики XXI века»
Чеховского культурного центра
Москва, 26 декабря 2013 г.

Елена Кацюба
Алхимик

Свинец непроницаем для радиации
но силы вошли

в СВИНЕЦ как бесы
вошли в СВИНЕЙ

С ВИНОЙ ветхой

С ВИНОМ новым

С ВИДОМ неведомым

С АИДОМ античным

с криком – ДАЙ ДОМ!

– РАЙ ДАМ

Рай – всем нам дом

Он лозой пророс

Золото лоз – это свет

Нет земного золота в свете

но от золы лоз этих

все золото на земле

Две тропы ведут из рая

Это плоть и путь

Первая:

РАЙ РОЙ ПОЙ

ПОЛ ЗОЛ

Вторая:

РАЙ ДАЙ

ДАО ДНО

ОНО ОКО

Так скажи раю прощай

и превращай

ЗОЛОКО

В

ЗОЛОТО

Константин Кедров, Маргарита Аль (автор
инсталляции), Ольга Адрова, Елена Кацюба
превращают свинец в золото. Фото Ольги
Реймовой.

Вадим Рабинович

(1935-2013)

доктор философских наук
ДООС – ДООСозавр

Гермес

Фрагменты из поэмы

(Газета ПОэзия № 2, 1996 г.)

«Говорят: близ Хаброна
на могильной плите Трисмегиста Гермеса
Македонский А.Ф. повелел начертать
тринадцать незыблемых правил
«Изумрудной скрижали» Гермеса.
Изреченное сим достославным
хитрованом и ловким умельцем
оказалось тем матерьялом,
из которого столько веков формовало себя
мироздание златоадептов –
лунно-солнечных братьев, пришедших
из верховьев зеленого Нила».

Приблизительно так начал я мои книгу
о Большом Королевском искусстве...
Стал переключать важные те письма
с латинского, ихнего, на русский, родной.

И вот что тогда получилось:

«НЕ ЛОЖЬ ГОВОРЮ, А ИСТИНУ ИЗРЕКАЮ», –

сказал основатель во-первых.

«ТО, ЧТО ВНИЗУ, ПОДОБНО ТОМУ,
ЧТО ВВЕРХУ, А ТО, ЧТО ВВЕРХУ,
ТОМУ, ЧТО ВНИЗУ, ПОДОБНО», –

было сказано во-вторых.

Чтобы уши не слишком увяли
и в глазах чтоб не очень рябило,
«в третьих», «в пятых»

и даже «в восьмых» опушу,

приступая к девятому сразу.

«ОТДЕЛИ ЖЕ ЗЕМЛИСТОЕ ОТ ОГНЯ

И ОТ ГРУБОГО ТОНКОЕ НЕЖНО –

И ТОГДА ТЫ УВИДИШЬ,

КАК ЛЕГЧАЙШИЙ ОГОНЬ,

объяснил основатель «в девятых», –

ВОЗЛЕТЕВ К НЕБЕСАМ,

НАЗЕМЬ ВДРУГ НИЗОЙДЕТ,

ЕДИНЕНЬЕ ВЕЩЕЙ СОВЕРШАЯ:

СВЕТЛЫХ ГОРНИХ ВЕЩЕЙ,

ТЕМНЫХ ДОЛЬНИХ ВЕЩЕЙ, –

Вадим Рабинович.

Фото Виктора Ахломова
2011 г.

ПРИМИРЯЯ, СВЕРШАЯ, СТРАЩАЯ...
И ВОТ УЖЕ – РАЗВЕ НЕ ВИДИШЬ? ВГЛЯДИСЬ:
ТЬМА КРОМЕШНАЯ ПРОЧЬ УБЕГАЕТ...»

А в двенадцатых имя потомкам назвал:

«ТРИСМЕГИСТУС ЗОВУСЬ.

ВСЕ ТРИ СФЕРЫ УМА –

ВСЕ МОИ ДО КОНЦА, РОВНО ТРИ», –

он сказал, как отрезал.

А в тринадцатых –

СЛОВО в молчанье включил,

возвестив про деяния Солнца.

На прощанье сказал Тривеликий Гермес:

«КАК ХОТИТЕ, А Я УМОЛКАЮ».

...

Перевожу Гермеса, но и он переводит меня.

Де-гер-ме-ти-зи-ру-ю слово Гермеса

и жест. Купно: и то, и другое. Но...

в разные стороны – оба; Слово и Жест...

Остается душа. А чья? – неизвестно...

Игорь Дудинский
ДООС – дудозавр

Мозаичное панно для станции метро Казаимировская

2014г.

«Футуризм — зародыш будущей нашей железной жизни, когда истаратся «так!» железные залежи земли в пространство; как летом стрекозы над цветущими полями летают, так гигантские ихтиозавры летать будут густыми тучами кругом земли». *Supremus*. Кубизм и футуризм. 7 Июль 2010 г.

«Мы можем сравнить аэроплан с птицей, размножающейся на многие разновидности железных птиц и стрекоз...» *О новых системах в искусстве*, Витебск, 1919 г.

Казимир Малевич

Ольга Ильницкая

ДООС – слоновозвр

Поговорим по-русски

1.

... Ты так читал, как будто ангел...
... Чертил чертилкой по доске...
... Кричала чайка и от крика...
... Взорвались крабы на песке...
... А я вплывала в глубину...
... Твой взгляд ломая линзой моря...
... Ты прочитал меня. ... Неволя...
... Ты понимал, что утону...
... Так тайна начиналась...
... Йодом пропахли руки и коса...
... А утром до восхода солнца...
... На щеки выпала роса...
... Ты слизывал ее, ты плакал...
... Я улыбалась, не дыша...
... Береговая полоса...
... Оранжевым очнулась маком...
... И стала степью черноморской...
... А ты, как сумрак, нелюдим...
... За нас молился сын в Загорске...
... И Ты стал ... ангелом... храним...
... И я лежала на песке...
... С чертилкой ангельской в виске...

2.

– Я отдаю себя, а не даю уроки.
Ты говоришь:
– Поедем водку пить,
с тобой давно пора поговорить.
А я в ответ:
– Дойдем до перекрестка!
Ты хочешь быть?
И я хочу – струиться.
Давай, смеясь, по-русски говорить,
Чтоб не кричали со слезою:
– Горько!
– Ты лишь полет, ты лишь прикосновение...
Достаточно ли быть самим собою?
– Себя дарить и слов не понимать?
И трогать жизнь игрушечной рукою?
Но ты суров:
– Я только наблюдаю.

**Ольга Ильницкая
и Пушкин в Одессе.**
Фото Константина Ильницкого

3.

... Над Мертвым морем
алая звезда
смеясь, восходит.
Ангелы сгорают
Свистят предсмертно,
Взглядами скользят
по нашим лицам,
словно текст читают
на ангельском.
... На идиш, на иврите...
Высвистывая:
– На каком молчите?
По-русски мы молчим.
И ты,
И я.
... И Русью пахнут
мертвые моря...

Он знал о нас свою тайну

Недавно одна немолодая актриса с фиалковыми глазами в размеренном и даже скучном интервью вдруг прокричала на всю страну: «Время не лечит! Наоборот, жизнь становится невыносимей и больней!» Визажисты телевизионные старались, но лицо, когда-то невыносимо красивое, нервное, породистое, напоминало теперь высочшее русло речки Сетунь в подмосковном Переделкино.

Гуляя как-то по тропинке писательского городка, я встретила Эстер Давыдовну Катаеву – вдову советского классика Валентина Петровича Катаева. В прежние годы я часто видела его, шагающего по кромке улицы Серафимовича – от своей дачи и далеко-далеко – мимо коттеджа Роберта Рождественского и дальше, дальше к Мичуринцу. Он был как натянутая струна – худощавый, элегантный в своих бесконечных кепочках в клетку и в какой-то очень стильной одежде. Эстер Давыдовна, как только я упомянула имя ее мужа, в ту же минуту разразилась потоком горестных слез. Ей самой было под

девяносто, десятки лет прошли со дня ухода любимого, Дочь, внучка, правнучка, экономка, все вроде бы в порядке, но... Именно эти простые, а по сути такие непереносимые слова произнесла она: «Время не лечит».

Я не очень это понимала в то время – ведь мой любимый муж Борис Рахманин со своей шуточной фразой, которую он произнес при первом знакомстве – «А где ты была вчера?» – рядом... И мне казалось, так будет всегда, вечно. Но... Я жестоко ошибалась. А не ошибались они – прекрасная фиалкоглазая актриса и мудрая Эстер. Странно, но я вспоминаю какую-то постоянную влюбленность Бориса, тридцать лет – рядом и смешное: «А где ты была вчера?» – тоже рядом.

И рядом – несколько человек, которых он любил и бесконечно ценил, например, Костя Кедров. Их замысловатые философские антиутопические беседы до сих пор остро вспоминаются с ощущением, словно они зависли где-то почти в досягаемом пространстве и кружат, кружат над головой, вот только пощупать нельзя, хоть и очень хочется. Так интересно, остро и ни на что не похоже это было. С примесью участия друг к другу. Однажды было решено: пора Борису вступить в нечто под названием «ДООС» – в переводе с неизвестного – «Добровольное общество охраны стрекоз».

Поскольку и Константин Кедров, и Борис Рахманин – люди талантливые, неоднозначные и, прямо скажем, странные, решено было избрать местом вступления в это охранное предприятие подвал Центрального дома литераторов, где собираются те, кто в ресторан Дома литераторов не ходят – дорого, пафосно, скучно.

Борис тут же за столиком пишет со всей серьезностью заявление о вступлении в организацию со столь нежным назначением. Рядом – нетрезвые, горлающие поэты, как знаменитые тем, что уже написали, так и известные своим постоянным присутствием здесь, в нижнем буфете ЦДЛА.

Алла Рахманина.
Фото Галины Мальцевой.

Сумрак, за соседним столом довольно известный в узких цэдээловских кругах прозаик – гиперреалист лицом в винегрете. Барышня – прямая спина, рыжие кудельки, очки с погнутыми дужками – тщетно уговаривает друга надеть зубы, которые лежат неподалеку в пустой тарелке. «Я искал тебя всю жизнь!» – подбегает ко мне абсолютно незнакомая фигура без возраста с торчащей колом седой бородёнкой. Через секунду оно впивается в мою руку своими острыми клыками, и мой скромный муж не без труда отдирает его от моего покрасневшего запястья.

– Сейчас я прочту вам стихотворение из одних оксюморонов, – вместе со стулом подъезжает к нам юноша с очень звонкой в то время фамилией. Здесь уже не выдерживает Костя, и этот стул с его хозяином посредством правой ноги отправляется на место, откуда прибыл.

Уже значительно позже, вспоминая тот вечер, Борис написал:

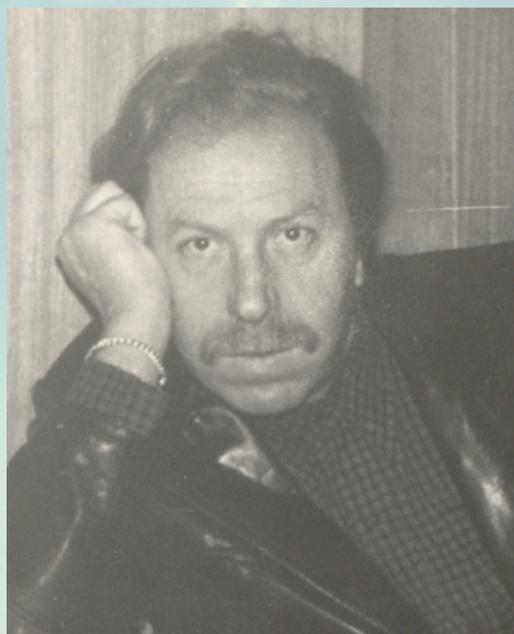
Вино тут неизвестно чьё
И неизвестно, в чьей посуде...
Бичи? Богема? Дурачьё?
Да нет, милейшие все люди.

Вот этот выдумал спьяна –
Вина проглочена канистра –
Что будто бы его жена
Никто иной, как сын министра.

А этот, он в Кабуле был,
В небезопасной той сторонке,
Жене и детям раздобыл
По замечательной дубленке.

А этот – Господи, прости! –
Слюною брызжет, так неистов:
Евреев всех он извести
Мечтает, кроме коммунистов.

Словом, весело провели время, и теперь, по прошествии энного количества лет я прихожу иногда в ЦДЛ впить кофе и неизменно взгляд падает на тот самый столик. За соседним столом, который ближе к барной стойке и где по-прежнему царствует волоокая красавица Рая – душа психоделических поэтов, – сидят все те же, правда, изрядно потускневшие и какие-то притихшие любители верлибров. И я до сих пор пытаюсь разгадать, что имел в виду уникальный поэт и человек Костя Кедров, когда написал о Борисе: «он знал о нас свою тайну...» Какую тайну? А возможно, это просто чудо встречи двух незаурядных людей. А тайна, она на то и тайна, чтобы оставаться таковой навсегда.

Борис Рахманин
(1933-2000)
ДООС

Конец света отменяется

«Как бы там ни было, – думал Сыромятников, стуча одним пальцем по клавишам старенькой пишущей машинки, – а жизнь продолжается. Вот, пожалуйста, – поискал он подтверждения своей мысли в окне, – хоть и митинги, хоть и Армагеддоном нас кое-кто пугает, а троллейбусы по улицам движутся, и машины – туда-сюда...» В почтовый ящик, куда он по инерции иногда заглядывал, какие-то активисты часто бросали размноженные на ксероксе приглашения, а то и повестки, приглашающие участвовать в манифестациях, акциях... Выбери по вкусу. Он все это выбрасывал. Нет, не то чтобы над схваткой он был, не то чтобы вовсе не задевало его происходящее – просто другое его интересовало, совсем другое. Прошое, одним словом. Прошое, оно как бы в степень возведено; то, что сегодня суетным кажется, мелким, помноженное на столетия, нет-нет да и приобретет грозный поучительный смысл, становится формулой, законом...

...Мучил голод. Обычно завтракал Сыромятников рано. Покойница мать некогда его к этому приучила. Женщина властная, с металлом в голосе, хотя и весила всего 44 килограмма, она всю себя посвятила сыну. Около восьми он уже сидел над поданной ею шкворчащей яичницей; источала бодрящий аромат чашка с кофе... Сама она боялась поправиться, соблюдала строжайшую диету, а сына кормила от души. «Для нормальной работы твоего мозга, сын, необходимы всевозможные комбинации белков, жиров и углеводов. Ты же ученый! Специалист по истории исчезнувших народов!..» Только сейчас он стал догадываться, что откармливала она его, обделяя себя; недодала, приберегая лучшие куски для сына. Ах, черт! Как же он этого раньше не понял? Скулы Сыромятникова обдало жаром. Одно утешение – сейчас, без матери, питался он как придется. Но привычка осталась. Как это? Условный рефлекс, да? Выделение желудочного сока? Поискал взглядом и, отвлекшись от машинки, взял со стола плоский пакетик из фольги с сухим супом, надорвал уголок, запрокинул, сыпанул в рот, стал задумчиво жевать. В свои 38 лет Сыромятников все еще оставался холостяком. Пытался однажды решить этот вопрос, еще при жизни матери. С хорошей девушкой познакомился как-то в университетской библиотеке. Ее звали Асмик. Даже заявление уже подали. Даже золотые обручальные кольца он уже в салоне новобрачных приобрел. Ничего, однако, не получилось. Мама воспротивилась. И кольца к тому же он посеял где-то. Носил их на самом дне портфеля, среди книг, бумаг... Вот и... Они тоненькие были, почти невесомые. Аспирантские, одним словом.

Жуя сухой суп, Сыромятников вспоминал о причине, по которой мать воспротивилась его браку. Стыдно вспоминать. «Асмик, говоришь, зовут? Что за имя? Гм... А фамилия? Адьян?! Что она, беженка?! Сын, а ты не думаешь, что все дело тут в нашей квартире?» Она заверила его, что отнюдь не плохо, в общем, относится к многострадальным соплеменникам претендентки. Среди них нередко попадаются хорошие виноделы, каменщики, бизнесмены, но... «Сын, ты не имеешь права на ошибку. Тебя ждет незаурядное будущее!» А тут еще и кольца эти треклятые...

«Асмик, понимаешь, кольца куда-то задевались. А другие покупать – я не при деньгах сейчас. Отложим, ладно?» Четыре года уже прошло, – вспоминал Сыромятников, ощущая жар в скулах. Замуж, насколько ему известно, Асмик так и не вышла. При редких встречах проходит мимо, наклонив голову, и лицо ее скрывается за упавши-

ми волосами. Так хочется остановить ее, отвести пальцем смоляную прядь...

Всю себя посвятила ему мама. «Сын, – напоминала она, – ты не забыл, что завтра утром от тебя ждут «Сообщение о печенеггах?» «Сын...» – так она обычно его называла. Молилась за него, за его успехи. Губы ее постоянно шевелились: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа... Аминь!»

Сомнений, что это к его научной карьере относится, не возникало. За день до смерти – он принес ей в больницу тяжелую железную банку болгарского компота, – цепко ухватив его когтистой лапкой за рукав, мать заговорщицким шепотом пообещала, что если там – показала взглядом на потолок – что-то есть, она будет за него хлопотать, а о результатах обязательно даст ему знать, найдет возможность... «Мама, да ты что? Ты меня переживешь!» – «До самого Господа Бога дойду...» – обещала мама. Он очень любил ее. Разумеется, ничуть ее не боялся. А серьезность, с которой она относилась к его призванию, даже импонировала, прибавляла значительности в собственных глазах. Сыромятникову казалось иногда, что именно от него, от добросовестности его исследований зависит степень исчезновения тех или иных древних народов. Заленится, запустит дело – и «яко обры...». Сейчас-то, по прошествии трех лет с маминой кончины, он несколько скромнее стал относиться к своей значи...

Дзин-н-нь! Дзин-н-нь! Дзин-н-нь!.. Что это? Телефон? Так долго молчал, молчал, молчал... И взорвался вдруг? Дзин-н-нь! Где он? Где аппарат, черт возьми! Забыл... Ах, вот он! Какие пронзительные звонки. Междугородный? Международный? Сшибая стулья, Сыромятников добрался, наконец, до телефона, сорвал трубку:

– Да! Але! Але! Я слушаю!

– Сын... – отозвался после паузы такой знакомый, бесконечно родной, безмерно далекий голос. Но слышно было хорошо. – Сын...

Сыромятников онемел.

– Ну, как ты там? У вас там утро сейчас, да? Ты уже позавтракал? Надеюсь, я тебе не помешала? Как ты вообще питаешься? У вас ведь сейчас, я слышала, не весьма...

– М-мама?! – выдавил он наконец через силу. – Кто это? Это... Это розыгрыш?! Послушайте...

Она снисходительно рассмеялась.

– Да я это, я! Не теряй времени на охи и вздохи. Думаешь, легко мне было...

– Мама? Но как?... Ты же... три года уже... Я не верю... Мама! Мамочка! Скажи, ты где? – он и не верил, и не хотел верить. Уж кто-кто, а его мать... Она чего хочешь добьется. – Ты... в Раю?

Она снова рассмеялась. Боже, как он наивен. Как они наивны все, эти живые. Какие детские представления у всех у них об этом: ад, чистилище, рай... Все гораздо сложнее, без всяких аналогий. Впрочем, он может не беспокоиться. Обитает она в секторе довольно сносном, даже престижном. Это такая...такой... Отнюдь не ад, нет! Она как бы на магнитофонную пленку записана, если все же по аналогии. Но при этом у нее имеется масса возможностей для индивидуального существования. Она даже согрешить вольна! Этот ее телефонный звонок – разве не достаточное тому доказательство? О, если ее поймут, разоблачат!... Могут стереть ее... Стереть запись...

– Сын...прервала она сама себя, – давай о тебе лучше, о твоей диссертации...

– Уже два года как защитился! – воскликнул Сыромятников. Ожидал, что она обрадуется. – Несмотря на то, что все тут у нас в упадке, Армагеддоном пугают, концом света – кое-что функционирует! Мамочка! – выкрикивал он возбужденно. – Мамочка, вот, пожалуйста – троллейбус за окном прошел! А главное – продолжают существовать мои исчезнувшие народы! В переносном смысле, разумеется, ха-ха-ха! Так что...

– Да знаю, знаю... – прошелестел вздох. – Это я тебе отсюда поспособствовала. Переговорила тут кое с кем. А сейчас жалею. Как это ни ужасно, сын, мы, кажется, оба в тебе ошиблись. не такой уж ты... – пауза. – Что ты молчишь? Але!

Он молчал, скулы его горели. Не от стыда на этот раз – от досады, от гнева. Оказывается, его многолетние усилия, его сложнейшие исследования, готовность ради исчезнувших печенегов и полонцев жертвовать здоровьем, личным счастьем, комфортом – не причем. А то, что он профессору Зайцевичу волосатую руку в коридоре, улучшив момент, поцеловал? А то, что перед деканшей Матрасовой расплакался, как бы тронутый ее ценными замечаниями на полях реферата? Все это – не причем? Оказывается, это она, мама, записанная, как некий текст, на коричневую магнитофонную пленку, с кем-то из небесной канцелярии переговорила и выхлопотала, выбила ему степень кандидата исторических наук!..

– Але, сын! Что ты молчишь? Скажи, ты там женился, по крайней мере? Что? Нет? Я так и думала. Аморфный, вялый... Слушай, а может ты импотент? Или онанист? Ты же, помнится, влюблен был в чудесную беженку? Как ее? Асмик, кажется? Слушай, а может ты и в самом деле в конец света поверил? В Армагеддон? Дурачок! Даже твои якобы исчезнувшие народы никуда не исчезли. Имя переменили – вот и все. Был Итиль, стала Волга.

Ведь вы, живущие, еще убиваете друг друга, еще кусок друг у друга из горла вырываете, о женском равноправии только-только вопрос ставите! Найдитесь едва ли не на младенческой стадии развития. Так о каком же конце света вы говорите? Не будет его, отменяется, понял? Ты понял? Вам еще жить и жить, взрослеть, стареть, мудреть! Немедленно женись, сын! Ты слышишь? Але! На коленях проси у красавицы Асмик прощения!..

Он потрясенно молчал.

– Сын! Сын! – загоропилась она, заговорщицки понизив голос. – Я, кажется, попалась... Воздействовать на жизнь нам не разрешается. Не... И все же... Наши стенные часы... Они целы? Там... Ох, как больно! Неужели меня сотрут? Я та-а-ак... – Голос ее замедлился, поплыл, стал почти незнакомым. – Сы-ы-ы...Сте-е-е...Ча-а-а...За-а-а...

Частые гудки.

– Але! Але! – кричал в трубку Сыромятников. – Мама! Мамочка! ты меня слышишь? Мамочка!.. – его серое морщинистое лицо блестело от слез. – Мамочка-а-а!..

Глотая слезы, он долго еще вслушивался в гудки, ища в них намека, смысла. Эти три года явно не прошли для мамы зря... Вспомнил ее последние, плывущие и замирающие слова. Положил трубку, подошел к стенным часам, открыл дверцу. За чуть выпуклым жемчужным циферблатом деловито постукивало что-то, самозабвенно размахивал самим собой маятник, хмуро висели гири... Ну и что? Что хотела сказать, сообщить ему мама, ценою еще одной, иной, куда более страшной смерти? Вяло поднял руку, сунул пальцы в пыльную темную глубину, словно в другое измерение... Нащупал и вытащил оттуда на свет ничуть не померкшие за эти годы тоненькие обручальные кольца.

Игорь Холин

(1920-1999)

друг ДООСа

ДООСу

Антимяубиука
Воздействие
На психику человека
При помощи ультразвука
Сегодня
Вечер эротики
Просьба лечь в постель
Надев резиновые ботинки
В восемь придет
Девушка
Вашей мечты
Можете с ней на ты
От одного прикосновения
Получите
Невообразимые ощущения
Лежу
Жду
Явилась горилла
Тычет сигаретой в рыло
Потеха
Соседи лопаются от смеха
Звоню в мяуцентр
Лаюсь
На чем свет
Отвечают
Мы ни при чем
Виноват
слабый свет

Из архива ДОО

Герман Гецевич

ЭХОХОЛИНА

Фрагменты

Антикентавр

С Игорем Сергеевичем Холиным – поэтом городских окраин и лианозовских бараков – я познакомился в литературном музее на Петровке в 1989 году. До этой встречи я слышал о нём много разного и противоречивого, знал, что физически такой писатель существует, но никогда не читал его произведений.

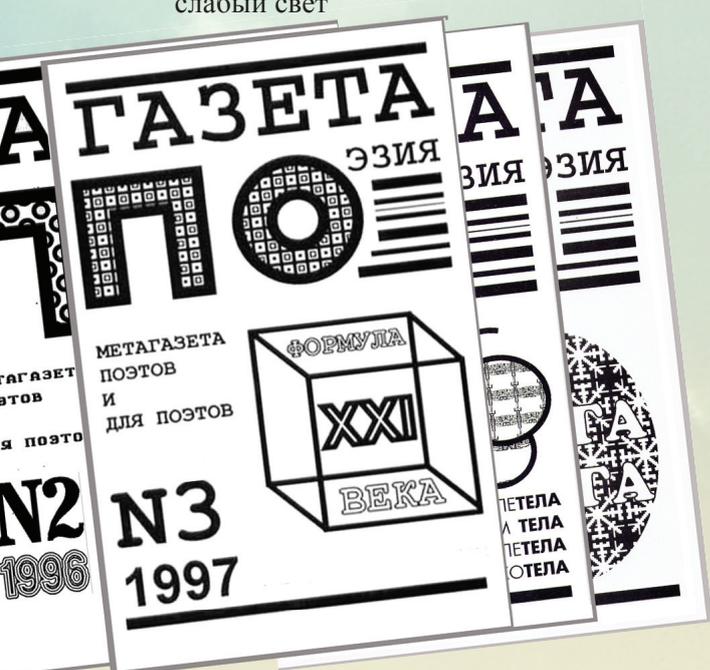
В отличие от Сапгира, Холин до конца своих дней оставался для многих литераторов легендой и мифом – королём московского андеграунда, поэтом, чьи стихи публиковались либо в подпольном «самиздате», либо в официальном «тамиздате». Мне поначалу показались его хохмы любовными и кондовыми...

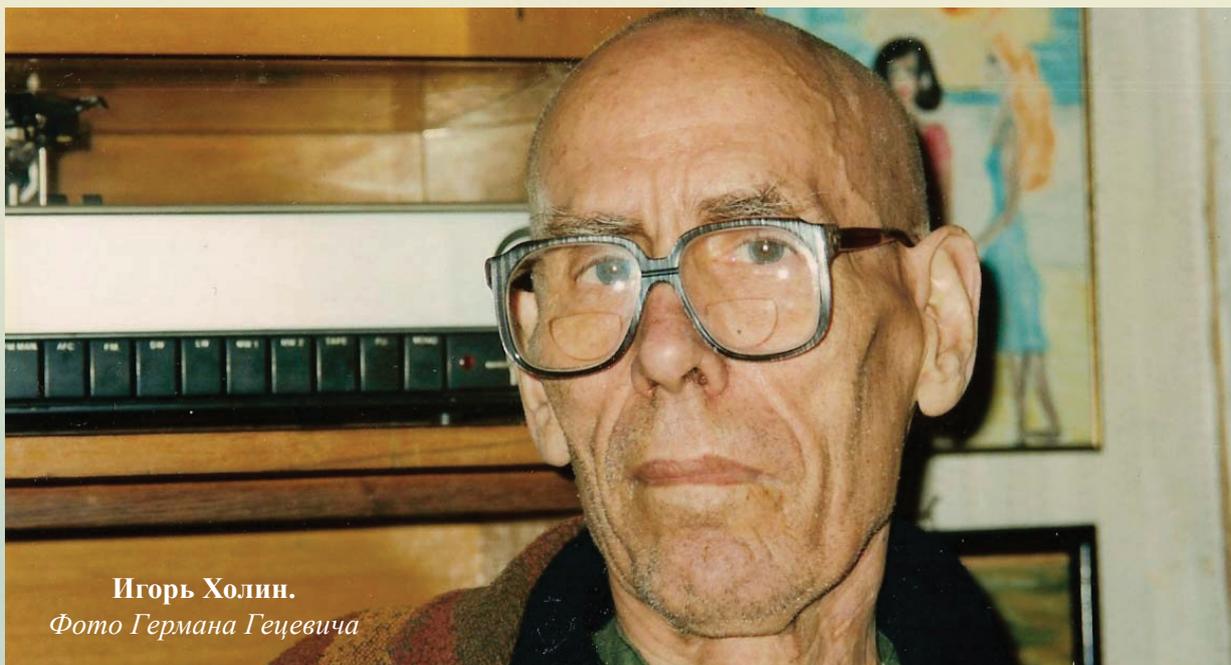
А сам он был похож на какого-то антикентавра, то есть человека, но с лошадиной головой и физиономией. После вечера он любезно написал мне книгу: «Жители барака» и оставил номер своего телефона. Я совсем не собирался ему звонить..., и тут дело не в гордыни... Просто от его выступления в литературном музее осталось какое-то смутное неопределённое впечатление. Меня больше тянуло к бальзакообразному Генриху, с которым я сразу почувствовал духовное и душевное родство. Тесно общаясь с Сапгиром, в Москве, в Переделкине, в Коктебеле..., о Холине я временно забыл.

В моём представлении он был фигурой второго плана. Лишь только потом я понял: как глубоко заблуждался.

Прошло три года. И вот однажды, в музее Марины Цветаевой, в Борисоглебском переулке ко мне подошёл поэт Константин Кедров и сообщил, что Игорь Сергеевич очень болен, и что если вы позвоните ему и поддержите его в трудную минуту, он будет рад..., только не забудьте, пожалуйста, это сделать, он очень надеется на вас...

На следующий день я позвонил Холину. Он, растроганный моим вниманием, тут же пригласил меня к себе в гости, и я пришёл...

Игорь Холин.
Фото Германа Гецевича

Патриарх в валенках

Крохотная квартирка, в которой вместе со своей младшей дочерью Ариной жил патриарх литературного андеграунда, барачный поэт Игорь Холин раньше принадлежала Римме Горюдиной. Зная жилищные проблемы своего старого друга, Римма перед отъездом на Запад заключила брак с Игорем Сергеевичем, таким образом, «однокомнатная нора» в Ананьевском переулке перешла в наследство Холину, как законному мужу. До этого он снимал комнату на Нижегородской улице, ухитряясь даже сдавать эту конуру на субботу и воскресенье чернокожему африканскому студенту.

Найти дом, подъезд и квартиру оказалось совсем не трудно, так как Игорь Холин жил напротив института Склифосовского, где я с 1981 года работал на «скорой помощи». Гостеприимный хозяин встретил меня в теплой рубашке надетой наизнанку и в коротких фетровых валенках. Я проявил излишнюю наблюдательность: «Игорь Сергеевич, вы рубашку наизнанку надели», – на что он ответил: «Герман, видите ли, я ношу рубашки с двух сторон. Когда с одной воротник становится грязным – я переворачиваю на другую сторону». Его черный юмор я воспринял с улыбкой. На стенах висели иконы и картины любимых художников: Пивоварова, Рабина, Евгения Кропивницкого...

Тогда же, в качестве экспромта в моём дневнике родился поэтический портрет Холин

«Угол есть в Москве-душе,
Где на третьем этаже,
Неулыбчив и сердит –
Холин в валенках сидит».

Литература всегда была для него любимым и возможно главным делом жизни, но в общении с товарищами по цеху он не раздувал щеки, не демонстрировал своё высокомерие, не корчил из себя небожителя, эдакого Поэта Поэтовича..., а скорее, наоборот, он вытравливал из своих стихов и речевого поведения лирические интонации. Холин извлекал поэзию из самых антипоэтичных вещей: из бедного барачного быта, из коммунальных перебранок, из канализационной трубы..., короче, из деталей и фрагментов земного бытия: «Лица людей стёрты, как каблуки. Мне смешно. Я, как все». И что самое поразительное: чем антипоэтичнее и резче писал Холин, тем ближе он был к изначальным структурам праязыка, к живой разговорной речи, к тому лубочно-барачному примитивизму, который граничил с гротеском. В железобетонной системе Холина эти разнородные пласты единокровно и органично связаны между собой соединительной тканью естества, литературного опыта и житейской мудрости. Это своего рода тексты-коллажи, тексты-инсталляции, «борьба за конструкции вместо стилей, расчёт суровый гаек и стали». Это тексты-скульптуры сидуровского замеса, только выполненные в другом пластическом материале. Холин часто любил повторять: «Вначале было не Слово, а знак». Знак и звук в его поэзии, как две

активные формы бесконечности взаимодействуют по принципу сообщающихся сосудов. Это, какмогучий бесконечности взаимодействуют по принципу сообщающихся сосудов. Это, как могучий трубопровод, как самопальный агрегат по переработке продуктов распада в чистый 96-градусный спирт. Игорь Сергеевич также считал своими учителями Хлебникова, Державина и Тредьяковского.

Нужно хорошо знать Холина, чтобы понять то, о чем он писал. Ключом к пониманию текстов является незаурядная человеческая натура самого автора, его характер, его темперамент. Я не во всём соглашался с патриархом в валенках, иногда даже обижался на него, но в одном я уверен, что если бы тогда я ему не позвонил и не приехал к нему в гости – многие структуры его души и словесного искусства остались бы для меня закрытыми навсегда. Он часто любил повторять: «Поэзия – это, когда пишешь не то, что думаешь, а то, что чувствуешь».

Часть жизни

С тех пор, вплоть до 15 июня 1999 года, присутствие этого человека стало неотъемлемой частью моей жизни. По воле случая или судьбы мы встречались довольно часто, даже если и не договаривались о встрече, причём в самых неожиданных местах.

В начале девяностых годов, когда на прилавках продуктовых магазинов была пустота – хоть шаром покати – я встретил его на Сретенке. Он нёс домой огромные сумки. Я подкрался сзади и схватил за ручку одну из самых тяжёлых. Мы оба были рады этой короткой приятной встрече. Я проводил его до дома, поинтересовавшись по дороге, что в сумках и откуда он идёт. «Сначала был на рынке..., купил мёд и сало..., а потом – получил, как участник войны небольшой продуктовый заказик...» – лукаво улыбаясь, ответил Игорь Сергеевич. «Значит Вы сегодня по хозяйственной части..., надо же какой запасливый...» – с удивлением промолвил я. «А как же...? Скоро ведь зима, а я к зиме всегда покупаю сало и мёд..., а вот тут: крупа, сахар, соль, сухое молоко..., так что если будете голодать – милости просим! Кашу мы с Вами, Герман, всегда сварим...» – многозначительно произнёс Холин.

Однажды я встретил его в писательской поликлинике, что возле метро «Аэропорт». Он, выходя из лор-кабинета, увидел меня и с возмущением сказал: «Странный какой-то врач этот

ухо-горло-нос..., ушки у него такие маленькие-маленькие, как у ребёнка».

Прогуливаясь по Большой Сухаревской площади, мы заметили грязную, вонючую бомжиху возле метро на скамейке. Я отвернулся..., на что Холин прореагировал следующим образом: «Напрасно вы так, Герман..., у меня лично бомжи не вызывают ни жалости, ни отвращения..., мне даже они чем-то нравятся..., по крайней мере – это свобода...»

Запомнилась ещё одна мимолётная встреча на Садово-Спасской улице. Поздно вечером, возвращаясь с работы, я увидел, как в темноте отсвечивает знакомый череп, быстрым шагом направляясь в сторону метро. Не узнать его было трудно... «Здравствуйте, Игорь Сергеевич! За Вами прямо не угнаться. Куда сайгачите-то в столь поздний час?» – любопытствовал я. – «Да..., Арина...» – «Что Арина?» – «Да опять забыла...» «Что забыла?» «Да газовый револьвер, который я привёз ей из Германии..., иду встречать..., она должна вот-вот вернуться из колледжа. Не забывайте обо мне..., звоните..., заходите. Всего вам доброго!» <...>

Игорь Сергеевич Холин был не из тех людей, которые способны обижаться и годами помнить обиду. Его невозможно было обидеть в принципе. Он никогда не вступал в спор с людьми, которым бесполезно что-либо доказывать или объяснять. Всех собеседников он условно делил на три категории: 1. Творческие люди; 2. Те, с которыми есть о чём поговорить; 3. Те, с которыми говорить не о чём.

Даже в самой патовой ситуации он вёл себя смело и естественно, высказывался конкретно, потому что жил с полной уверенностью в своей правоте. Однажды на вечере, посвящённом Парижу, который проходил в библиотеке имени Ленина в начале 90-х, Холин прочитал стихи в стиле «лианозовского баракко». Он выступал первым и был явно не в теме. Публика начала свистеть, возмущаться, топтать ногами и выкрикивать с места реплики типа: «Довольно чернухи! Прекратите лить грязь! Этот вечер посвящён Парижу!» Я с болью смотрел на пожилого человека, моего друга, которому даже не дали дочитать текст до конца. Он уходил со сцены под улюлюканье невежественной публики. Я выбежал из зала, чтобы морально поддержать Игоря Сергеевича и застал его уже в дверях. Уходя, он обернулся и с грустной улыбкой сказал: «Вот увидите, Герман, из всего вечера запомнится только моё выступление!»

Андрей Вознесенский

(1934-2010)

ДООС – стрекозавр

Улёт

на деревьях висит **май**
очки сели на ке **баб**
лучше вовсе бросить **шко**
боже отпусти на **не**

ель наденет платье **диз**
фаны видят мой **наф-на**
и на крыше **нафтали**
боже отпусти на **не**

не мелодия для **масс**
чево публику **пуга**
зыки на анти му-му
боже отпусти на **не**

тятя тятя наши **се**
цаца цаца на **мертве**

до свидания **бельмон**
инак **триса** пошла к
зонцы выбирают **барби**
Нику дали **шизофре**
рновскую вкушают **СМИ**

леннона проходят **в шко**
господи пусти на **не**
ад пусти меня на **зап**
да хотя бы в **нику**
enthusiasm это **kitch**
телеОРТ **роди**
рты разинули **абор**

оба сели в свои **вольв**
мент проверил их **доку**
оказались безрабо

ердие безрукой **Милос**
в лампочках **презервати**
много в человеке **ше**

политически у **жо**
единенье каждый **раз**
сколько жен/ ударов в **мин**
я кричу что гибнет **росси**

боже отпусти на **не**
лампа-жизнь разбилась **попо**
ты не оправдала **меч**

боже отпусти на **не**

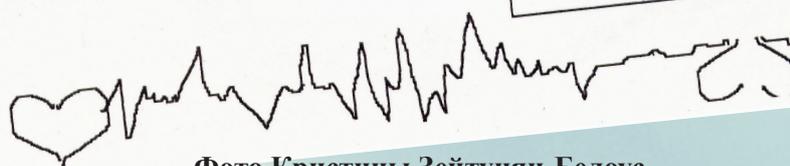

Фото Кристины Зейтунян-Белоус.

Москва, 2005 г.

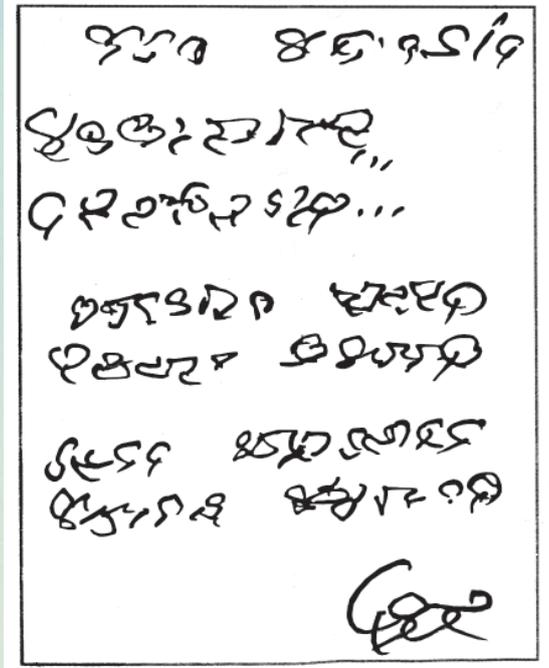
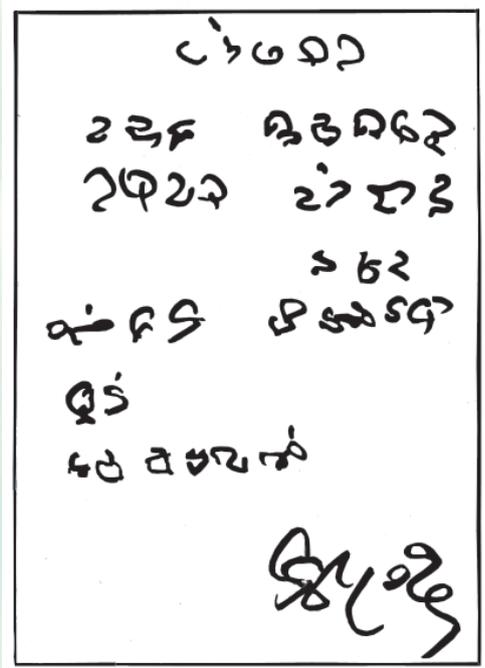
Казалось – показалось
off 'шоры – шофера
Мозамбики
зомбировали
Краса – коса
чтобы лапать
плетеная, как лапоть
TV' игги подвиги
Барбекю – Барби ку-ку
Усама Бенладен
не дал неба массам
Киркоров – Кир коров
Цветаева – цвета Ева
Тарантино – тинтаретто
Тарантино – scarлатина
для взрослых
Тинейджер
трахнул телку через пейджер
Кисет пятьдесят –
полный писец
полный привет

Генрих Сапгир
(1928 – 1999)
ДООС – стрекозавр

Стихи на неизвестном языке
(Специально для ПО.
Первая публикация в № 1, 1995 г.)

На презентации «Газеты ПОэзия» № 1 в Литературном музее (Петровка, 28) прозвучал перевод стихов, написанных на неизвестном языке. Поэтическое действо снимал на видео Иосиф Гринберг (подмосковная студия «Развилка»).
3 ноября 1995 г.

некоторые, он говорил: «Я чувствую себя как факс – кто-то передает, а я пишу». Мы так и договорились называть этот жанр – «медитанцы».

Голос из зала. Восемьдесят восьмой язык.
Вилли Мельников. Я прочту перевод с языка «язык Сапгира».

Фрагмент презентации

Генрих Сапгир. К сожалению, я не могу прочесть текст поэтический, потому что он написан на неизвестном мне языке.

Вилли Мельников. (ДООС – лингвозавр) Мой всем совет – если хотите изучить какой-нибудь язык, увидите в нем равное себе по разуму существо. Тогда он пропитает вас, как губку, а обратно не выйдет и потянет за собой другие. Таким образом, не пользуясь никакими методиками, я овладел 87-ю языками, и мне этого мало, мне хочется еще... Я так же поступил и с этими таинственными языками Генриха Вениаминовича Сапгира. Когда он писал при мне

*
Заступник заступов-заставок,
Аристократомно-патрицианисто
Отпечатком печи согревающийся;
Разлинованный глиной мрамордник,
Персты вдевший в ксерокопиршество,
О'Божает плащи из Божезаменителя...

*
По льявиной гриве поплыву ручьиистой —
К развязкам тигро-зебровых полосок,
Где след копыто-когтя свеж-неплюсок;
Там тупоклычья наняты ланистой
И глохнет глоссолалий отголосок

Справа налево: Генрих Сапгир, Эдуард Штейнберг., Владимир Аниканов Валентин Воробьев.,

Кира Сапгир

оса ДООСа
Париж, Франция

Гнев демиурга

*Ты знаешь, что я вспоминаю чаще всего?
Ярость твою.*

В какой-то момент, когда все уже было выпито, ты затихал. Сидел молча. Никто ничего еще не замечает. А у тебя уже лицо желтеет. Ты смотришь пустыми черными дырами. Нет, пятнами. Черными пятнами на желто-белом идиотическом лице. Ромбообразные, смятые, старые, широкие – видные из-за заостренных по-волчьих ушей – щеки, напалзающие на воротник.

Не желая раньше времени выдать себя ты хочешь завлечь подальше жертву – якобы одобряя, завести в дебри застольного красноречия, пока какой-то пушкинист не произнесет: «Ты гений, старик!» – с каким-то тайным нюансом, который тебе в тот момент не нравится. Вот этим-то мельчайшим нюансом, самодовольной в твой адрес хвалой, ты тайно доволен.

Тут-то от тебя и нужно бежать без оглядки. Ты видел эманацию зла – она клубится вокруг голов – и вокруг твоей головы скапливается холодная туманность, холод бездушного пространства проникает вовнутрь. Уже ты ненавидишь, и ненависть твоя к чьей-то голове, как по трубке течет – но ничего никто не замечает, не

понимает, веселясь, что обречены и осуждены тобой. За суету судимы и за дьяволизм.

Нельзя было тебе хвалу произносить – с тобой на одну доску пусть на секунду попытаться себя поставить! Святотатство! Вы – породы разной! И одно ужасает тебя: «Как он смеет?! Какое право он имеет на две руки и две ноги, как я, на голос и стремление казаться – **чем-то быть?**!» – хотя твое наличие само собой упразднило нормальное людское естество! О, мясо презренное, о плоть, что одухотворенной пытается казаться!

«Как смел ты сказать, что я гений?!»

Вторая стадия – Демиург в ярости оттого, что сотворил себя не сам.

Неужели Я – случайное соединение молекул, генная закваска, следствие слияния случайного, влияние солнца, снега, температурного баланса в момент, когда был зачат – о, нет, не Я! – мой пещерный предок! По его генетическому коду определен Я – творенье, а не творец себя. Я – сущность?! Или Я – случайность?!!

«...Ах они су-у-уки!!!! Как они хвалить меня

посмели?????!!!! Засранцы, сволочи! А-А-А-АА!!!! Ты гад, говнюк и сука, я гений, а ты – говно! И я сейчас тебя убью!»

Слишком много разумных людей на свете. Слишком много неспособных разглядеть тебя и вовремя устранились, чтобы тебя не мучить. При сближении с себе подобными ты холодел – сравнение могло в чужую пользу оказаться.

Как смеет он?!!!! Какую окуджаву он несет?! Кто ему позволил свои соображенья высказывать по поводу меня?! Он – он спросил МЕНЯ?!!! – вино и водка в тот момент уж целиком очистили мозги – опустошили от всего, что помешать могло уничтожать осмелившегося восхищаться – тобой.

«Тобой?! Мной!!? Но это же не я (как бы его убить?). Ведь это всего лишь они, всего лишь мои предки, их жратва – пронырливый сперматозоид идиотский, что, победив кросс скоростной, врывается с размаху в то самое – мясистое, багровое, темное, в пульсацию мясных кулис...

Я?!!! Он – хвалит – меня?! А я – НЕ ПРИЧЕМ! Гениальность – не моя! Гениальность сала, вони, мяса, говна!!! Говно! Говно – я?? »

«Ты гений, старик!»

Ты... Сволочь... Смеешь... АААААА-АА!!!!!!

Сволочь!

Я – БОГ!..

Твой крик был яростным протестом, прежде всего против тела, которое повелевает душой и тем самым вносит сомнение в существовании души.

Убить душой ты попытался, чтоб убедиться в том, что она есть.

Ты выносил лишь похвалы дураков. Дураки – они блаженные, как ты. Вы изъясняетесь на простом языке сумасшедших. Тебе нравилось, когда дураки клялись твоим именем.

Перед тобой я виновата в том, что я из тех, кого ты по заслугам проклинал. Ведь та душа, что у меня – хоть небольшая, но живая – осколок души твоей. Ты был излишне щедр со мной. Я не имела права на нее. Нельзя души осколок – пусть мельчайший – кому-то отдавать: взгляд, прикосновенья, слезы, хохот – все от души. Отдать мы вправе

лишь сердце.

Ольга Адрова

ДООС – рок-стрекоза

ЗАЯЦ

Придерживай ревность

на сворке,

точно борзую,

медля пустить

по следу любимого зайца –

с длинными ушами,

с пушистой шерстью,

прядущего вечерний воздух

возле зеленых деревьев...

Петляющего тут и там,

путающего след,

исчезающего в снегу.

Ты человек, твое чудо – заяц,

Но и зайцу нужно

свое чудо.

Ольга Адрова. Фото Владимира Красовского.

Петр Кобликов

друг ДООСа

ЗАЯЦ

Ровесницы драконов-динозавров,
Не вынесших всемирного мороза,
Ведь вам летать ещё в далёком завтра,
О вы, прозрачнокрылые стрекозы!

Летать, рассматривая мир глазами,
Покрывшими почти всю вашу голову,
Не уставая многими часами,
Спасаться хищными набегами от голода.

Набегами на стаи комаров,
Вас обогнавших в ходе эволюции
На древе жизни, но ваш род — здоров,
А комары? Те в вечность доберутся ли?

Вы в будущем найдёте новый корм,
Что выживет назло земным эррозиям.
Непреходящи совершенства древних форм,
Непреходящи времена стрекозы!

Комментарий автора

По своему происхождению стрекозы относятся к одной из самых древних групп насекомых, обладающих крыльями. Появившись в незапамятные времена ещё не очень совершенной биологической жизни, стрекозы и теперь продолжают прогрессировать. Ветвь, которую они занимают на «генеалогическом древе» отрядов насекомых, начинается почти у самого корня этого древа и огибает множество других ветвей – и не только тех, которые «увяли», но и тех, которые существуют донныне. Среди насекомых наиболее совершенными в эволюционном отношении считается отряд Diptera (двукрылые: комары и мухи). Будучи реликтовым отрядом, стрекозы (Odonata) не только догнали во времени эту самую «молодую» группу своих крылатых сородичей (и, между прочим, своих любимых лакомств, но и не собираются ни им, ни другим отрядам летающих насекомых отдать своё безраздельное господство в воздухе. Среди хищных насекомых-гидробионтов (обитателей воды) стрекозы и на преимагинальных (довзрослых, личиночных) стадиях также являются едва ли не самой многочисленной и преобладающей группой. Недавно в тропиках Южной Америки были обнаружены стрекозы, личинки которых развиваются в воде, заполняющей дупла поваленных деревьев...

Меганевра, огромная стрекоза, размах крыльев которой больше 70 см, летала в лесах каменноугольного периода.

Алексей Хвостенко

1940-2004)

друг ДООСа

Портрет себя

(считалка)

изоляция Верпы
это тщательно залатанный шар
десять шаров
и один маленький шарик
похожий на теннисный мяч
потом
это шар
убегающий в сторону другого шара
тоже залатанного
и тоже похожего
на своих близнецов
потом
это шар
повешенный на просушку
рядом с третьим шаром
вымоченным в вине
и заляпанный чем-то
(впрочем об этом потом)
потом
это шар
Наблюдающий тень своего четвертого шара
летающего над Обводным каналом
от Лиговки до Александрo-Невской лавры
потом
это шар
своего пятого шара
как будто умеющего читать мысли
и что-то такое знающее
в нескольких метрах от себя
потом
это шар
шар и еще уцелевший
в шестом шаре
(плод того - другого шара
размером несколько большего)
потом
это шар
это шар перед зеркалом
изучающий контуры
седьмого по счету шара
потом
это шар
страстно желающий познакомиться
с некоторым подобием
своего восьмого шара
который постоянно
стоит в очереди за сигаретами
или курит в тамбуре

потом
это шар
принимающий участие
в похоронной процессии
и оплакивающий смерть
своего девятого шара
и наконец
это шар
десятого шара
(просто десятого шара)
и ничего больше
итак
изоляция Верпы
это
перечисленные выше десять шаров
и один
маленький шарик
похожий
на
теннисный мяч

*Алексей Хвостенко
на праздновании
20-летия ДООСа
в Литературном
музее.
Москва,
Трубниковский
переулок,
15 сентября 2004 г.*

Серия «Классики XXI века»

НОВЫЕ ДООСКИЕ
Москва 1999

**Сборник постоянных и новопосвященных
ДООСов, а так же друзей ДООСа.**

Константин Кедров, Андрей Вознесенский,
Елена Кацюба, Генрих Сапгир,
Валерия Нарбикова, Вадим Рабинович,
Андрей Бондаренко, Галина Мальцева,
Алёна Мартынова, Сергей Летов,
Алла Кессельман, Игорь Холин,
Владимир Опара, Вилли Мельников,
Алексей Хвостенко.

Тамара Приходько (радиостанция «Маяк», молодежный канал). Лето, пора цветов, трав и стрекоз. Тех самых, которые поют назло муравьям. На этот раз о них вспомнили в библиотеке имени Чехова, что на Пушкинской площади. Это представители группы ДООС – Добровольного общества охраны стрекоз, поэты, известные не только у нас, но и за рубежом. Это Константин Кедров. Елена Кацюба и другие.

Елена Кацюба. Однажды куратор салона «Классики XXI века» и издатель серии под таким же названием Елена Пахомова принесла нам кусочек какой-то очень темной бумаги, явно оберточной, и говорит: «Какая замечательная бумага, давайте мы на ней издадим сборник». Мы посмотрели, потрогали, поцарапали, понюхали и издали на ней очень красивый сборник в стиле футуристов. И назвали его «Новые ДООСские». И в этот сборник вошли новые члены ДООСа, которых мы недавно посвятили в ДООС.

Тамара Приходько. При этом крылышки стрекозиные выросли?

Елена Кацюба. На каждого надевали крылышки. И одна художница сделала такую огромную стрекозу, похожую на дракона. На самом деле, это по-русски «стрекоза», а по-английски «dragonfly», то есть летающий дракон.

Тамара Приходько. А теперь участники сборника прочитают нам по строчке, самой такой ДООСовской. А художники в двух словах расскажут о своей картинке.

Презентация в салоне «Классики XXI века»

Елена Кацюба. Я, к сожалению, не могу прочитать того, что находится в сборнике, потому что эта вещь называется «Точка». А как можно прочитать точку? На самом деле здесь поэтически-математическим путем доказывается, что два равно пяти, а пять равняется двум. И у точки есть форма, у точки есть значение, у точки есть судьба. А судьба ее такова – точка в конце концов превращается в дырку, исчезает.

Тамара Приходько. Ну, это уже из антимира. Кто следующий?

Валерия Нарбикова. В ДООСе был напечатан текст, который «Синтаксис» называется. Там все дело в точках, запятых и во все остальном. Есть такой стишок Пушкина: «Уж небо осенью дышало, / уже реже солнышко блистало, / короче становился день...» А там, значит, сидят люди и беседуют: «Уж небо осенью дышало, уж реже солнышко блистало. Короче. Становился день».

Тамара Приходько. Раз уж мы заговорили о Пушкине, то крылатая фраза Константина Кедрова.

Константин Кедров.

Перо упало –

Пушкин пролетел.

Валерия Нарбикова. А еще можно и так:

«Та-та-та́, тра-та-та́, а не та-та-та́ та-та-та́...»

Тамара Приходько. Может быть, кто-то наполнит эту структуру еще и словами?

Константин Кедров. Это заполняется так:

Сердце в будущем живет,
настоящее уМыло.
то печально, то пройдет,
что пройдет, то будет мЫло.

Галина Мальцева. Я художник, живописец. Пишу картины, я считаю, что реалистические, потому что я не знаю, что такое реализм. Я считаю, что реализм – это все, что угодно. Короче, с ДООСом мы лет 100, или лет 200, или даже 250 тому назад. Я думаю, что это продолжится миллион и один год, а может, даже еще и дольше. То есть это как дыхание. Это очень естественно, и необходимо каждому. Это свобода перемещения в пространстве. Это моя мечта, просто неожиданно, например, оказаться на Марсе, совершенно неожиданно потом оказаться в Малаховке, совершенно неожиданно оказаться вместе с Кедровым или с Лерой. То есть мы все время вместе, где бы мы ни были. Эмблема ДООСа, она постоянно меняется, настолько она многогранна и непредсказуема...

Константин Кедров. Добровольно общество Одиссея и Сирены.

Валерия Нарбикова. А если уж брать эмблему, то это прозрачные крылышки. У стрекозы, когда она вылупляется, они должны обсохнуть, а потом они уже распрямляются, и она уже может лететь.

Алла Кессельман.

Эхо – обряд,
который время творит над звуком,
проводя его в безмолвие.

Владимир Опара. Ну, для меня стрекоза – совершенная машина на самом деле. Поэтому часть выставок, которые я делаю, называются «Арт-машина». «Арт-машина-1», «Арт-машина-2», в пространстве цифры. Но стрекоза – как совершенная машина. Пока эти совершенные машины будут летать, мне кажется, все это и прекрасно.

Вилли Мельников. Я новопосвященный ДООСянин, любитель ДООСа и присутствия доосского чувства в нашем не совсем доосском времени. Люблю природу, стрекоз.

Тамара Приходько. А летать пробовали?

Вилли Мельников. Да я постоянно летаю.

Тамара Приходько. Ну и как там?

Вилли Мельников. Так же, как и здесь.

Тамара Приходько. Даже если пройдет лето красное и зима постучится в окно, участники Добровольного общества охраны стрекоз продолжат свои песни и выпуск своих сборников.

Андрей Коровин

ДООС – крымозавр

Окские предания: пока мы спим

и выходит из леса лось
и пока мы спим говорит
вот живу я здесь – чисто лось
а душа у меня – болит

и выходит из леса ёж
и пока мы спим он идёт
сквозь туман сквозь кусты и дождь
в потайной свой хрустальный грот

и выходит за ним кабан
и пока мы спим тычет нос
то ли голоден то ли пьян
видно туго ему пришлось

и пока мы спим на земле
в семярусных облаках
просыпается старый лес
вся планета в его руках

и пока мы спим наяву
и пока мы спим день за два
лес меняет как кровь траву
голубая растёт трава

и выходит из леса лес
и пока мы спим он плывёт
он плывёт посреди небес
он плывёт как воздушный флот

мы проснёмся а леса нет
мы проснёмся и горя нет
и стоит кругом белый свет
самый белый на свете свет

Лидия Григорьева

ДООС – стреказанка
Лондон, Великобритания

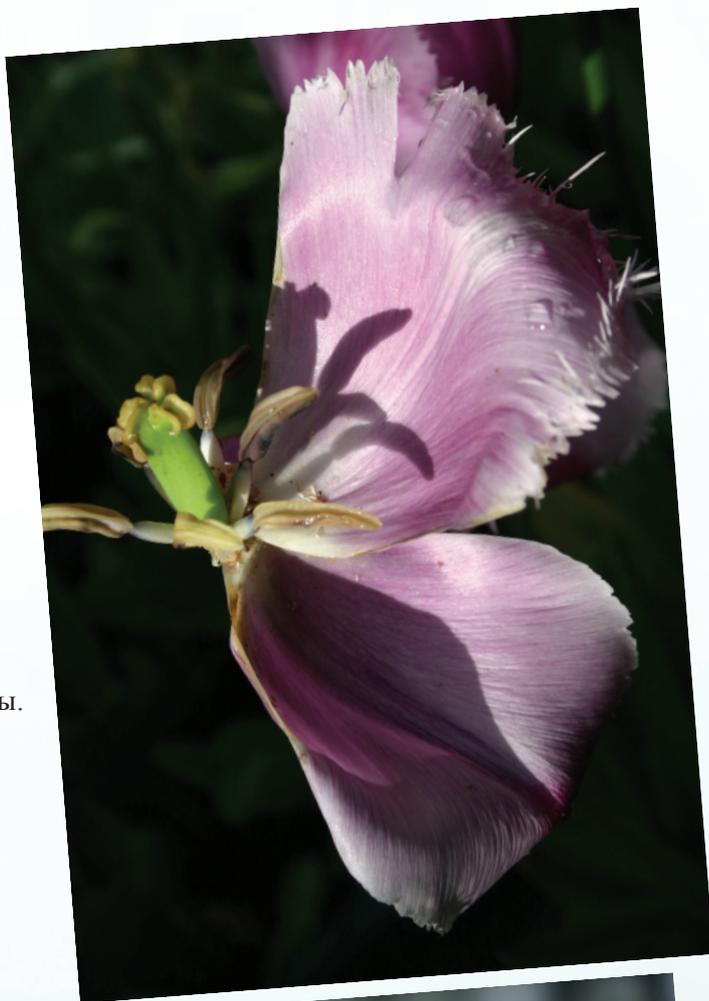
Летающий сад

Чтобы заниматься садом,
 нужно быть звездочётом,
оттого и не спят садовники по ночам,
 мучимые учётом,
особенно, если это личное их чудачество
 и все чувства растрепаны и разогреты,
тогда уж им точно покажется,
 что цветы невесомо парят
 и маячат в пространстве,
 как неопознанные кометы.

Чтобы писать стихи,
 нужно цаплей стоять
 на вселенском болоте,
в зеленую звездную воду
 ногу воткнув по колено так,
 что не оторвете,
крепко стоять, замерев,
золотое свечение нетленных миров созерцая,
покуда цветы и птицы мимо плывут,
 вращаясь волчком и мерцая.

Даже знатоку, согласитесь,
 в этом космосе легко заблудиться.
Чем дальше, тем больше схожи между собою
 звезды, цветы и птицы.
Как сосчитать их садовнику,
 если с толку сбивает
 роскошное это родство и сходство?
Видимо, все-таки рядом лежат –
 а также стоят или ходят –
 гений и садоводство.

В августе особенно, запомните это,
 в садах все растёт и летает
 скопом.
Тут и согдится для призрачных нужд
 одержимый садовник
 с нелепым своим телескопом.
И стихоплет, и садовник –
 любезна, признаюсь, мне –
 праздная эта пара,
звезды считают, видишь ли,
 вниз головою свисая с земного шара.

ДООС
Добровольное общество охраны стрекоз
1984 – 2014

Основатели:
Стихозавр Константин Кедров-Челищев
и libellula Елена Кацюба.
Вольное общество поэтов пополнили
Стрекозавры Андрей Вознесенский,
Генрих Сапгир, Сербозавр Милорад Павич

Пришли звезды андеграунда: Заузавр Сергей Бирюков, Огнезавр Герман Виноградов
Лингвозавр Вилли Мельников, СтрекозАль Маргарита Аль, Саксозавр Сергей Летов,
СтрекИзида Анна Альчук, Звукозавр Лоренц Блинов, Лайнзавр Владимир Опара,
Палиндрозавр Александр Бубнов,
Новая Доосская Алена Мартынова, Найкозавр Найк Борзов, Оса ДООСа Кира Сапгир,
Арт-стрекоза Нина Зарецкая,
Дудозавр Игорь Дудинский, Зиоса Света Литвак,
Веразавр Вера Сажина

Членами ДООСа также стали: Линзавр Виктор Ахломов, Валерия Нарбикова, Доосозавр Вадим Рабинович, Кириллозавр Ковальджи, Борис Рахманин, Текстозавр Александр Люсый, Днепрозавр Александр Чернов, Боллозавр Александр Ткаченко, Стреказелла Галина Мальцева, Светозавр Андрей Врадий, Рок-стрекоза Ольга Адрова, Дева нот Алла Кессельман, Графикозавр Кристина Зейтунян-Белоус, Прозостихозавр Анатолий Кудрявицкий, Стреказанка Лидия Григорьева, Стрекозабочка Леся Тышковская, Книгозавр Виктор Корольков, Крымозавр Андрей Коровин, Никозавр Николай Еремин, Кистезавр Андрей Бондаренко, Австрозавр Виктор Клыков, Теозавр Валентин Никитин, Братскозавр Владимир Монахов, Пчела Ганна Шевченко, Зоммерзавр Татьяна Зоммер, Дадазавр Денис Безносков, Слонозавр Ольга Ильницкая, Торозавр Алексей Торхов, Украинозавр Игорь Балюк, Одуванчик Ольга Лебединская

Титул Друзья ДООСа приняли
Игорь Холин, Алексей Хвостенко,
Марина Герцовская, Эльмар Гусейнов,
Михаил Молочников, Елена Пахомова,
Евгений Степанов, Алина Витухновская,
Ирина Силецкая, Нагалия Азарова,
Дмитрий Плахов, Александр Гумённый,
Владимир Друк, Петр Кобликов.

«Ты всё пела? Это – дело!»

«Журнал ПОэтов» № 9-10 (61) 2014
«30 лет в полёте»

Учредитель, идея журнала и творческая концепция – группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства».

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров

Редакционный совет
Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В. Ахломов; С.Бирюков – доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов – доктор филологических наук; профессор В.Вестстейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий – доктор геолого-минералогических наук;
Э.Гусейнов – кандидат исторических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); В. Нарбикова.

Макет номера – Елена Кацюба
Верстка – Николай Лазарев

На 1 стр. обложки – рисунок Константина Кедрова.

Эмблема ДООСа на 1 стр. – Сергей Бордачёв

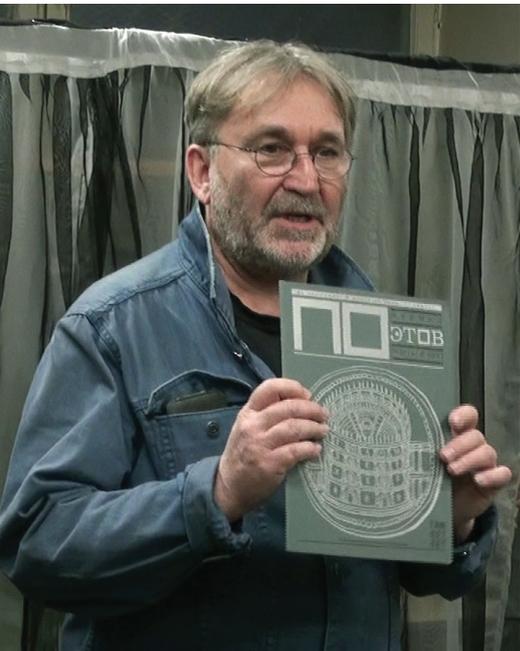
Номер подписан в печать 29.10.2014

Издательство ДООС Маргариты Аль

Телефон

Адрес в интернете: Литмир Журнал
ПОэтов [http://www.litmir.net/
UserBooks/?UserId=191742](http://www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742)

e-mail – fly-1@mail.ru

ДоС!

ДООС и его гости праздную юбилей
в Пен-клубе 17 апреля 2014 г.

